18+

ДЭМСИ ВУД

РОМАН-ИСПОВЕДЬ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

НА СТОМЕТРОВКЕ

Ещё по одной?

Дэмси Вуд

Жизнь и смерть на стометровке

«Издательские решения»

Вуд Д.

Жизнь и смерть на стометровке / Д. Вуд — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Есть улица, которую все зовут просто стометровкой. Здесь он прожил пять лет — от первой рюмки до последнего блистера, от восторга вседозволенности до дна, с которого, оказывается, тоже видно небо.Стометровка стала его домом, его семьёй и его зависимостью. Но оказалось: есть зависимость сильнее. Её не закажешь за барной стойкой и не выпишешь по рецепту.Четыре года он любит девушку с фиолетовыми волосами — и эта любовь оказывается единственным, от чего нет лекарства.Книга содержит нецензурную брань.

© Вуд Д.
© Издательские решения

Содержание

Дэмси Вуд 6
ПРОЛОГ 6
ГЛАВА 1. ПЕРЕЕЗД В Город мечты 7
ГЛАВА 2. МОЙ ПЕРВЫЙ РАЗ 13
ГЛАВА 3. НАВЕРСТЫВАНИЕ УПУЩЕННОГО 20
ГЛАВА 4. ЛЮБИШЬ ИНФОРМАТИКУ? 24
ГЛАВА 5. СЕКС БЕЗ ОТНОШЕНИЙ 27
ГЛАВА 6. ГРИНВУД 30
ГЛАВА 7. ДОМ, ГДЕ ТЕБЯ ЖДУТ 34
ГЛАВА 8. ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮБВИ 36
ГЛАВА 9. БЕРЕМЕННОСТЬ И ОШИБКИ 40
ГЛАВА 10. ПОСЛЕДСТВИЯ ТВОИХ ДЕЙСТВИЙ 47
ГЛАВА 11. СКУКА, ПУСТОТА И СДЕЛКА 52
ГЛАВА 12. НЕФОРМАЛКА 55
ГЛАВА 13. ПЕРВОЕ ЗАБВЕНИЕ 60
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Жизнь и смерть на стометровке

Дэмси Вуд

© Дэмси Вуд, 2026

ISBN 978-5-0071-7160-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дэмси Вуд
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ НА СТОМЕТРОВКЕ
роман-исповедь

Хочу сказать огромное спасибо моей жене — она читала это безумие и всё равно вышла за меня замуж.

Зависимость — это самовнушение души и тела в том, что без того или иного вещества, жидкости или человека ты погибнешь.
Самовнушение?

ПРОЛОГ

Очередной бесполезно потерянный вечер. Я просто сижу над очередным стаканчиком виски — «Джеймисона» или «Пропер Твелв». Честно говоря, я уже не знаю, что мне тут наливают. Глаза не поднимаются наверх: не хочу видеть в отражении зеркал бара то, во что я превратился. Жалкое зрелище, я уверен.

Жалею ли я о чём-то? Нет, не думаю. Я шёл по этому пути вполне осознанно. Не думаю, что какие-то определённые причины могут меня в этом оправдать. Сейчас стоит просто заказать такси и выйти из этого бара — в надежде не нарваться по дороге к машине на драку. Сегодня на это совершенно нет настроения. Похоже, я размяк.

Каждый раз, возвращаясь домой из ночного клуба, я начинаю думать о какой-нибудь девушке, которой доставил не самые прекрасные эмоции, — хотя поначалу, возможно, такими они и были. Каждый раз они чередуются, и в голове рождается мысль:

— Ты едешь пьяный домой. Фонари ночного города, провожающие тебя из центра, ласкают глаза и почти заменяют солнце, потому что солнца днём ты просто слишком давно не видел. Проспал его появление, как и многое другое. Ты просто едешь и понимаешь: возможно, какая-то из девушек сейчас вспоминает тебя, сидя дома и укутавшись в тёплое одеяло, — в отличие от тебя, который едет и пытается не проблеваться от собственного перегара.

Неужели это место сделало это со мной? Неужели это оно превратило меня в это?

Я прожил на стометровке год. Или больше. Время здесь сложно отслеживать…

Стометровка — это территория центра города. Мрачная ночная сторона прекрасного города на побережье Чёрного моря. Здесь вечно пытаются забыться, напиться и с кем-то переспать, чтобы временно отпустило. Либо по той причине, что лучше под утро чувствовать неловкость, чем засыпать в одиночестве. Разве нет? Возможно, это и помогает. Раньше — уж точно.

На этой территории находят много друзей, которые в подсознании как таковыми не являются. Вас объединяет пара общих тем и бутылка, а больше для общения здесь ничего и не нужно. Улыбка — простая взаимность. Расспросы «как у тебя дела» — обычная формальность или глупое проявление вежливости. Когда у тебя разбита в кровь физиономия, людям по каким-то культурным устоям хочется поинтересоваться, всё ли в порядке. Я стою харкаясь кровью, так что спорно, — но я понимаю, что на деле причины неинтересны даже мне. Судьба такая. Люди не будут здесь искренне интересоваться твоей жизнью, и им по факту плевать на тебя. Они такие же люди, которые пришли отдохнуть. Если тебя устраивают такие правила — я приглашаю тебя оценить этот аттракцион. Незабываемое место.

ГЛАВА 1. ПЕРЕЕЗД В Город мечты

Мне было семнадцать лет, и мы с родителями каждый год старались прилетать в этот город на лето, хотя всю жизнь жили на Камчатке. Тоже мрачное место, если честно, но невероятно красивое — что, впрочем, со временем приедается. Впервые на стометровку я забрёл как раз в своё семнадцатое лето.

Я зашёл в клуб EASY — «Изи» — потому что мне было семнадцать, а туда впускали несовершеннолетних покурить кальян до восьми вечера. Друг из детства привёл меня туда познакомиться с девчонками. Такой своеобразный мираж взрослой жизни, который тогда нам казался чем-то настоящим.

Однако всё, о чём я тогда мечтал, — это встретить ту самую и подарить ей свою любовь.

Мы курили кальян всё лето в этом заведении, но как только часы пробивали восемь, нас выгоняли. Мне всегда хотелось узнать, что же здесь происходит после. Та самая взрослая жизнь, которая почему-то стала эталоном из-за американских сериалов? Алкоголь и весёлое беспечное течение жизни. Разве не прекрасно?

Тогда я об этом не думал, честно говоря, потому что мой разум ещё не был очернён тем, что я хочу переспать с каждой второй девушкой, которую встречаю, и, как правило, у себя в голове я уже это делаю, даже если просто спрашиваю у неё, как дела. Просто пни об этом. Это ведь моя исповедь.

Я очень сильно любил девочку со своей школы. Мне было семнадцать, а ей пятнадцать. Вспоминаю эту юношескую романтику: мы договаривались встречаться у магазина «Бригантина» в семь вечера практически каждый день. Я стоял в 18:50, и все десять минут, пока Ангел не приходила, я боялся лишь того, что она не придёт. Однако как только из-за угла дома я видел, как ко мне приближается её силуэт, поднимающийся по ступенькам, моё сердце внутри разрывалось. В школе мы любили друг друга лишь взглядом, потому что боялись критики со стороны. Хотя, возможно, боялся только я. За пределами школы моя любовь не заходила дальше объятий, а мне просто хотелось лежать с ней и смотреть в её голубые глаза, каждый раз радуясь, когда у меня удавалось её рассмешить. Я не пытаюсь показать вам, что я был правильным и не думал ни о чём порочном, но я правда был правильным — хотя хотел любить девушку по-настоящему ещё с пятнадцати, а то и с четырнадцати лет. Проблема была в том, что я боялся этого. Любой близости.

Почему? Я честно до сих пор не могу ответить. Сейчас мне двадцать два года, и я спокойно могу переспать с девушкой на глазах у публики. Приятного шоу, так сказать…

Смысл был в том, что мы с Ангелом уже планировали переезжать в конце года. Ей исполняется шестнадцать, мне восемнадцать — и мы переезжаем в Питер. Отличный план. Однако всё пошло совсем не по нему. Мне просто написал тот самый друг с побережья, с которым мы ездили в «Изи» курить кальян. Я рассказал ему о своих планах на Питер, на что он мне ответил:

— Питер? Какой Питер!? Переезжай сюда! У тебя тут появится семья, вот увидишь!

Мой друг Дан, который говорил мне это, не отличался острым умом. Да и умом в принципе. Однако его слова слишком сильно засели у меня в голове, и я просто не знал, что мне с этим делать. Мы с Ангелом уже собирались уехать в другой город, и она была уверена во мне, — но после этих слов Дана мне пришлось сделать выбор, который Ангел, соответственно, не разделяла.

— Ангел мой, я не полечу с тобой в Питер, мне очень жаль… Меня ждут в Севастополе, и там у меня будет семья, и… — я чётко чувствовал, как цитирую слова Дана, которые не были подкреплены никакими аргументами в пользу этой теории, — …что-то внутри подсказывает мне, что это верное решение, которое приведёт меня к чему-то большему.

Она не проронила мне в ответ ни слова. Я просто стоял и смотрел, как её глаза быстро краснеют и наполняются слезами, после чего обнял её и начал говорить что-то, что должно было её утешить, но вряд ли она меня тогда слышала. Я слышал только её плач и чувствовал её слёзы, которые всё сильнее мочили плечо моего пиджака. Я понимал: если улечу в Питер, то никогда не оставлю эту девушку, которая сейчас плачет на моём плече. Однако я больше не видел нас вместе. Я просто рискнул, шагнув в пропасть в тот момент. Просто шагнул — потому что мне захотелось узнать, что лежит по ту сторону.

Чтоб вы понимали: через три недели после этого дня, на своё восемнадцатилетие, я всё-таки впервые поцеловался — с подругой, в которую был влюблён, когда мне было четырнадцать. Как это было? Родители подарили мне две тысячи рублей в шкатулке для миллионера. Забавно: моей старшей сестре на восемнадцать лет подарили ноутбук, планшет и электронное пианино. Что-то я явно делал не так.

На тот момент я состоял в компании неформалов, и мне ничего не оставалось, кроме как купить на эти две тысячи самого дешёвого вина в тетрапаках по сто рублей и пару пачек сигарет для тех, у кого их нет.

Так мы и сделали. И именно на своё восемнадцатилетие я впервые целовался с девушкой. И это было здорово. Однако…

Сразу попробую оправдаться.

Моя подруга была уже в говно, когда мы целовались, и она, возможно, на трезвую голову никогда бы со мной не стала целоваться. Однако я тоже был пьяный — нам с ней я наливал больше, чем другим, — а потому был смелым. И мы целовались.

Я не учился целоваться на помидорах или мандаринах — или какие там ещё способы используют для обучения? Примерное понимание того, каким должен быть поцелуй, я вычерпал из американских фильмов, и мне казалось, что актёры суперсильно открывают рот при сём действии.

— СМОТРИТЕ! НИК ЕЁ ЖРЁТ! АХАХАХА!

— ИДИ В ЗАДНИЦУ, ДЕГЕНЕРАТ! — ответил я, скорый на критику в адрес моего первого поцелуя. Однако мы все были пьяны, и нам было весело.

Через месяц мы с родителями улетели на побережье. Родители, как обычно, до конца лета, а я — с концами. Самолёт поднимался в небо, и я чувствовал: скоро всё вот-вот изменится. Новая глава моей жизни, в которой я могу стать кем угодно. Спасателем? Биологом? Вирусологом? Может, экологом? Кунилингвистом — последним уж точно со временем стал.

В августе все вопросы по учёбе были утрясены, и я наконец-то смог отдохнуть. Я поехал в «Изи», потому что помнил, как в семнадцать лет мне было там весело, и помнил, как сгорал от любопытства и желания узнать, что происходит там после восьми вечера. Как раз к восьми вечера я туда и приехал. Показал паспорт уже совершеннолетнего маленького человека и был готов ворваться в эту новую жизнь — но уже не с таким энтузиазмом. Я всё ещё был очень стеснительным. Я сел за столик подальше от сцены, чтобы не отсвечивать, и стал наблюдать за тем, что происходит внутри.

Люди заходили и заказывали шоты, общались с персоналом, словно с друзьями, и мне неистово хотелось стать частью этого места, хотя я ничего о нём толком ещё не знал. Просто хотелось быть частью чего-то большего, чем я сам. За пару часов я выпил с десяток коктейлей, и меня не особо брало. Проблема была не в алкоголе. Просто мой первый опыт с бухлом был настолько ярким, что все последующие не сильно могли меня удивить. Либо я просто пошёл в отца: его друзья рассказывали мне, что в мои годы перепить его было невозможно.

Через некоторое время ко мне подошёл ведущий, и я сразу начал думать, что делаю что-то не так. Зачем он ко мне идёт?

— Привет! Ты петь будешь? А то ты сел так далеко, что я тебя даже не заметил.

Из-за того, что я был слишком сфокусирован на поведении посетителей и персонала, я на минуту забыл, что это караоке. Но забава была в том, что петь я умел очень даже неплохо. Это было почти самое моё любимое занятие. Возможно, вокал я любил соизмеримо с сексом и выпивкой — хотя про последнее я на тот момент не был осведомлён.

— А что, можно спеть? — спросил я удивлённо открытыми, ещё девственно-непорочными глазами.

— КОНЕЧНО! ЭТО ЖЕ КАРАОКЕ! НУЖНО! Давай, иди скорее на сцену! Я тебе что-нибудь подберу, если ты не уверен, что петь. Ламбаду любишь?

— Да, да! Думаю, что да! Я справлюсь!

— Ну хорошо, тогда иди!

На сцену вышел ведущий и представил меня:

— Итак, у нас сегодня новенький! Давайте поддержим его!

Клуб был забит лишь наполовину, и мне зааплодировали те, кто там находился, — и это словно придало мне сил. Я вышел на сцену и начал петь. Получалось так хорошо, что люди выходили из-за столов и начинали танцевать. Это была невероятная энергия, которую я получал от них, и все они были невероятными — и заставляли меня считать себя таким же. Песня закончилась, и удивлённый ведущий поднялся на сцену и, поблагодарив за исполнение, дал мне погоняло Тифест — из-за песни, которую я исполнял.

Следующие дни я приезжал туда всё так же, и каждый раз был неумолимо рад там находиться, что явно не нравилось моим родителям. Но разве они могли что-то с этим сделать? Меня тянуло туда так же, как тянет алкоголиков к барам. Так же, как учёного — к чему-то новому: эта жизнь была для меня в новинку. Это была лучшая исследовательская программа, которую я мог себе придумать. Однако денег на тот момент было не так много, поэтому поездки туда я на время сократил до минимума.

Наступил конец августа, и родители в свой крайний вечер в этом году, в этом городе, одаривали меня нравоучениями: теперь я совсем взрослый и должен думать своей головой о каждом последующем поступке и действии. Правда была в том, что я всё ещё был ребёнком. Ребёнком, которому не хотелось думать. Хотелось просто жить и узнавать жизнь. Чем я впоследствии и занялся.

Я помог родителям погрузить чемоданы в такси, обнял их на прощание и стоял, пока машина не скрылась из виду.

И что я делаю следом? Захожу домой и подкуриваю сигарету.

Курить дома — это настоящее блаженство. Клянусь вам. Понимание того, что эта квартира — теперь мой маленький мир, в который когда-то я приведу ещё кого-то, кто разделит его со мной. Долго, кстати, ждать не пришлось.

В один из вечеров я гулял с местными ровесниками, и мы зашли в кофейню, в которой работала красивая девочка-бариста. Блондинка с каре и голубыми глазами. Напомнила Ангела с Камчатки. На мне была футболка с Лил Пипом, и она сакцентировала на ней внимание, сказав, что ей тоже нравится этот исполнитель. Я позвал её курить, после чего незамедлительно пригласил выпить у меня и послушать его музыку. В тот вечер у меня уже собралась компашка из семи человек — и плюс она. Её, кстати, звали Настя.

Мы купили пару бутылок водки для парней и пару бутылок вина для девушек. Мой первый такой вечер у себя дома. Прелестно. Мы разложили новогодний большой стол, на котором не было ничего, кроме четырёх бутылок алкоголя и рюмок с бокалами. С колонки играла музыка, все были поглощены общением друг с другом, а я ждал, когда придёт Настя.

Через десять минут она всё-таки пришла, но чувствовала себя не в своей тарелке, и я позвал её в соседнюю комнату, чтобы ей было поспокойнее.

Насте было восемнадцать, как и мне. Красивая девочка, которая так же, как и я, видела в грустной музыке и фильмах истинное искусство. У неё были красивые черты лица и некое

безумие в глазах, которое слегка меня пугало. Мы сидели на кровати, пили вино и узнавали друг друга, а после, когда алкоголь выполнил одну из своих функций — расслабление, мы вернулись к ребятам в зал, продолжая вечеринку.

Через пару часов всё закончилось, все ушли, а мы с Настей договорились встретиться на следующий день в менее людной обстановке. Так же у меня дома — посмотреть какой-нибудь фильм.

ДЛЯ МЕНЯ ТОГДА ВЫРАЖЕНИЕ «ПОСМОТРИМ ФИЛЬМ» БЫЛО РЕАЛЬНЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ, КОТОРОЕ РЕАЛЬНО ЗНАЧИТ «ПОСМОТРЕТЬ ФИЛЬМ»! Откуда я знал, что это означает интим? Тогда я об этом и не догадывался вовсе.

Наступает следующий день, и я жду, когда приедет Настя. На учёбу я часто забивал болт — как и в этот день — по той причине, что пошёл в колледж после одиннадцатого класса, а вся программа первого курса совмещала в себе программу десятого-одиннадцатого, которую я, соответственно, уже прошёл, и преподаватели давали мне добро не приезжать.

Я попытался приготовить что-то вкусное: услышал от одной из девушек, которых невольно подслушивал на барной стойке в «Изи», что парень, который умеет готовить, — на вес золота.

И вот — долгожданный стук в дверь.

— Никит, привет! Это нам! Я взяла нам пару бутылочек своего любимого вина.

— Блин, Насть, не стоило, конечно, но алкоголь никогда не будет лишним в этом доме! Плюс вино отлично подойдёт к пасте. Надеюсь, ты голодная.

— Да, знаешь, я умираю с голоду!

Мы сели с Настей за стол и приступили к трапезе. Вино открывала она: знала секретный способ, разработанный где-то в сверхсекретной лаборатории учёных, как открывать бутылку без штопора — пальцем. Я же, разумеется, об этом способе на тот момент не знал. Штопор пропал после вчерашней пьянки, что неудивительно.

Она наполнила наши бокалы, и мы чокнулись, как молодожёны, и принялись за пасту.

— ТЫ САМ ЭТО ПРИГОТОВИЛ?!

— Ну да. А кто ещё мог? Если кто-то ещё — скажи мне номерок этого человека, потому что это забрало у меня некоторые силы.

— Ну, надеюсь, что не все, — сказала Настя, слегка улыбнувшись.

ПОВТОРЮСЬ! НАМЁКОВ ТОГДА Я НЕ ПОНИМАЛ. Да и флирт я познаю лишь через пару месяцев, так что не сжигайте меня на костре раньше времени. Я ещё смогу вас удивить — хотя совершенно не стараюсь этого сделать.

— Почему побережье? Ты ведь недавно переехал.

— Я думал ещё над Питером, но мой старый друг внезапно написал мне, что здесь у меня появится семья, — и я просто отдался этой фразе и воле случая. Как-то так. Никакой романтики, на самом деле. Обычный фатализм.

— Кто знает, может, и правда у тебя появится здесь семья, — сказала Настя, снова улыбнувшись. На этот раз я понял её скрытый смысл. Впрочем, это и так было очевидно: я ей нравлюсь, а она — мне.

— Очень вкусно, Никит! Ты умница!

— А ты умница, что взяла вино! Оно и вправду неплохое, — сказал я, который кроме палёного портвейна и вина из тетрапаков ничего не пил, но решил, что можно повыпендриваться.

— Какой ты хотела фильм посмотреть? Мы вроде вчера договаривались, но название плохо у меня отложилось из-за выпитой водки.

— «Две тысячи маньяков» называется! Он старенький, но классный!

— Ну-с, хорошо, давай попробуем!

Я ушёл в комнату за ноутбуком, чтобы подключить его к телеку в пристройке, где мы планировали смотреть фильм. Это была большая освещённая пристройка, по размерам сравнимая с комнатой, но я всегда называл её просто балконом. Я подключил ноутбук, нашёл фильм, пропустил рекламу, включил, развернулся и…

— Что-то тут жарковато… — сказала Настя и сняла футболку, под которой ничего не было, и передо мной предстала её воистину прекрасная грудь! Кондиционер, кстати, работал. Я не понимал, с чего бы ей стало жарко, а секс в моих планах был явно позже. Не потому что я не хотел — не поймите меня неправильно. Просто на Камчатке с сексом всё было сложно не только у меня. Пары начинали заниматься им минимум через пару месяцев отношений, и на девушек после смотрели как-то иначе. Маленькая деревня. Тупая ассоциация, как по мне, но такой она была на Камчатке, и поэтому все фильмы, где парни снимают девушек на одну ночь, я считал снятыми на грани фантастики.

— Ты же не против, Никит?

— Эм, ну… я… нет, как тебе удобно!

— Ну и хорошо. Давай ложись скорее.

— Как скажешь.

Я лёг, мы стали целоваться, и через минуту она у меня спросила:

— Ты ведь девственник?

— Ну да. Есть грешок.

— Как так получилось?

— На Камчатке с этим всё сложно. Словно живёшь в монастыре.

— Всё понятно теперь, — сказала Настя, улыбаясь.

— Как ты поняла, если не секрет?

— Просто ты ни разу не схватил меня за зад и не стал трогать грудь. Да и целоваться ты не умеешь, Никит, без обид.

— Научи меня.

— Буду только рада!

Так Настя в течение двух часов научила меня класно целоваться. По-французски, по-албански, ещё как-то. Стандартно тоже научила.

— Не открывай рот слишком сильно. Просто слегка его приоткрывай и слегка посасывай губы, которые целуешь. Чередуй губы. Языком вперёд не лезь — только на пару сантиметров, и кружись с моим языком.

Когда Настя научила меня целоваться, мы целовались ещё часа четыре. Возможно, ей уже надоело, но мне всё нравилось, а она не подавала виду, что уже устала. На секс мы не перешли: Настя, когда поняла, что я чист как слеза, решила, что мы сделаем это позже, в отношениях. Очень странно, учитывая тот факт, что она лапала меня за член через джинсы — и это казалось мне настоящей феерией.

В конце вечера я предложил ей переехать ко мне, на что она сказала, что я тороплюсь. Я же видел в этом рациональную логику: она снимала квартиру на другом конце города и отдавала половину своей зарплаты в кофейне за жильё. А так она бы жила у меня, и мне не было бы скучно. Плюс мы могли бы не вылезать сутками из кровати. У меня было такое понимание всего этого.

Через неделю я снова намекнул ей, что будет здорово, если она ко мне переедет. Мы ещё пару раз погуляли в центре, а потом в какой-то момент начали ссориться из-за того, что из-за работы у неё совсем не оставалось времени на нас, — хотя я предлагал её обеспечивать. У меня в Питере была квартира, которую мы сдавали за тридцать тысяч рублей в месяц, и после того, как я остался в Севастополе один, деньги за питерскую квартиру отправлялись мне напрямую на жизнь.

Однако она в очередной раз отказалась от моего предложения, после чего я улыбнулся, приняв её выбор как взрослый человек. Смысл в том, что я обиделся тогда на неё, но не показал ей этого. Моё понимание взаимоотношений парня и девушки, повторюсь, основывалось на сериалах, и поэтому я не понимал, почему она не хочет всё бросить и быть со мной, невзирая на последствия. Я проводил её до дома, после чего мне захотелось выпить и спеть. Вспомнить то, что я люблю. И, разумеется, я поехал в «Изи».

По дороге я встретил так много пьяных людей — и наконец всё-таки добрался до своего любимого караоке-бара. Я зашёл, и ведущий, увидев меня, улыбнулся и сказал со сцены, что знает, кто сейчас будет петь.

И вот, поднимаясь на сцену, я начинаю петь и вижу, как много девушек смотрят на меня с некой заинтересованностью. Они подпевают мне, танцуют в такт песни бёдрами, и им просто нравится, что я здесь нахожусь. С бара две красивые девушки зазывали меня к себе, куда к концу песни я и направился. Они заказали мне коктейль, и мы просто пили и смеялись над всем происходящим до конца вечера. С одной из них я стоял в обнимку и угорал с мужика, который всех угощал вином и рассказывал смешные истории. Его, правда, по итогу вывели, потому что он не смог расплатиться за налитый всем алкоголь, но всё же. Бармен подливал масла в огонь и предлагал мне забрать одну из девушек, с которыми я стоял в этот вечер, — причём предлагал это при них. Такое вот у него было чувство юмора. Но всё равно — это был весёлый и здоровский вечер. Моё плохое настроение улетучилось почти моментально после того, как я пришёл сюда. Фиолетовые стены пленяли мой взгляд, и я не мог представить себе места лучше, чем этот караоке-бар.

Тогда я задумался: а нужны ли мне эти отношения с Настей, если она не ищет возможности встретиться? Если она не хочет переехать ко мне? Если жизнь не такая, какой она казалась мне в фильмах, — стоит ли вообще пытаться жить по шаблону «встретил — полюбил — женил»? Стоит ли, если можно жить так, как сейчас? Разве этот вечер не умопомрачительно прекрасен? Посмотрим, куда меня заведёт это место. Возможно, во что-то новое. Во что-то хорошее… Вспоминая дни на Камчатке, я не вижу ничего яркого. Всё так серо и печально. Яркими были лишь глаза Ангела — но и от неё я выбрал отвернуться. Со мной и здесь ангелы. Пускай и падшие.

ГЛАВА 2. МОЙ ПЕРВЫЙ РАЗ

Мои частые поездки в «Изи» стали приравнивать к тому, что я блядун. Иронично, учитывая тот факт, что я всё ещё был девственником. Да, я уже провёл там больше половины осени, но я не планировал там кого-то снимать. Я просто отдыхал, веселился, пил и пел, учился разговаривать с девушками и убивал в себе страх целовать их. Но дальше поцелуев я никуда не заходил — и знал об этом только я.

Вот и мои друзья с города узнали, что я там веселюсь, и были уверены, что я каждые выходные кого-то снимаю. Я не стал их разубеждать. И в одну чудную пятницу октября они позвонили мне.

— Слушай, Ник, мы слышали, ты в «Изи» тусуешься. Как тебе там?

— Ну, меня всё более чем устраивает. Лучшее место в мире, как по мне.

— Слышь, а что там, подруги красивые есть? В клубе этом тусуются?

— Да, конечно. Полным-полно.

— Ну всё, заебись тогда, заебись. Сможешь нас сегодня туда провести? Как раз пятница. Будет круто.

— Без проблем. Буду рад. Только оденьтесь в джинсы или что-то неспортивное. Это не «Батерфляй». У нас есть дресс-код. («У нас»… Показушник блять. Ты «у нас» даже не работаешь, — подумал я.)

— Да, договорились! Давай встретимся в полдесятого на остановке в Кадыковке.

— Хорошо. Тогда до встречи.

Честно говоря, я давно хотел съездить в «Изи» с кем-нибудь, потому что все эти месяцы, как правило, ездил туда один. Ни у кого не было ни времени, ни желания — зато у всех были отличные сто отмазок и причин не ехать. Людей моих лет отталкивало слово «караоке» в названии. Сверстники предпочитали «Артишок», «Батерфляй», «Правду» — все клубы города, кроме «Изи». Хотя мне лично там безумно нравилось. Абсолютно всё. От музыки до контингента.

Итак, на часах восемь вечера. Я снова убрал квартиру, погладил вещи, в которых планировал ехать, и отправился в душ. Напор воды стекал по моему телу, и я знал, что сегодня будет отличная ночь. Было некое предчувствие, что всё будет как в моём на тот момент любимом фильме «Этот неловкий момент» с Заком Эфроном. Трое друзей едут на отличную вечеринку. Я хотел этого всю жизнь — и вот этот вечер настал.

Я высушил волосы назад, как у ДиКаприо, — не обошлось без тонны лака и воска. Уверен, у него тоже без этого не обходится. Надел свой костюм и прыгнул в ботинки. Пальто с собой, сигареты в нагрудном кармане и пара пшиков духами Versace Eros. Я готов.

Кстати, что забавно: все соседи, сидящие во дворе, всегда знали, что я еду на блядки. Они видели, как я прихорашиваюсь, когда еду в клуб, поэтому и сегодняшние их суждения были верны. Мой сосед дядя Андрей в открытую говорил мне не забывать о защите. Спасибо за дельный совет, наверное. Спускаюсь пять минут до остановки и вижу парней, которые уже ждали меня. Одеты они были как офники: подтяжки, классические брюки из плотной ткани. Они и были офниками, но не суть. Их звали Жека и Марк.

— В таком виде вас и без меня пустят. Хорошо выглядите.

— Ну так, мы же не всегда в спортивках гоняем?

— Я никогда вас не видел в подобной одежде.

— Мы просто тусуемся в разных местах.

— А вот и автобус!

Мы быстро прыгнули на излюбленные задние места, и Марк достал фляжку, которую мы благополучно распили до конца пути. Вру. Она закончилась, ещё не доехав до половины, но

это неплохо. Мы ехали, и в парнях было с избытком энтузиазма. Всю дорогу орали на задних сиденьях «МЫ БУДЕМ ЖАРИТЬ ТЕЛОК!», цитируя парней из фильма «Выпускной».

И теперь три… два… один… — автобус остановился, и открылись двери рая. Мы приехали в центр, и до «Изи» оставалось лишь спуститься двести метров вниз. Мы подкуриваем сигареты на выходе из автобуса и направляемся в бар. Выглядим мы точь-в-точь как главные герои «Мальчишника в Вегасе» — пускай и бюджетная версия. Чувствовали себя, уверен, абсолютно так же. Мимо нас проходят разные девушки, и каждую из них мы уже в голове разделили и оценили, уверяю. Я знаю, для чего мы сегодня приехали. И мы к этому готовы. И вот — вход в «Изи», где меня встречает охрана.

— Сегодня, вижу, с друзьями пришёл?

— Нужно же показывать людям, где земля обетованная. Здорово, парни.

Я поздоровался с охраной, и мы вошли в клуб. «Изи», как обычно в пятницу, гремел. Красивые девушки, улыбчивый персонал, прекрасное освещение — да ещё и возможность петь на сцене. У меня не было ни малейшего шанса не влюбиться в это место. Я знал, что очарован им.

Мы с друзьями пошли к бару, меня поприветствовал Гагик и налил нам три коктейля. Мы чокнулись, я крикнул «ЗА ЭТУ НОЧЬ!» — и, выпив свой коктейль до дна, отправился на танцпол. Дима, который работает звукарём, всегда говорил мне: если хочешь кого-то подцепить, иди на танцпол — это самое подходящее место. Так и было.

Уже через четыре минуты я танцевал с красивой блондинкой ростом метр семьдесят восемь и голубыми глазами. Она была похожа на одну девушку, которая когда-то нравилась мне на Камчатке, поэтому мой выбор был очевиден. Мы двигались синхронно нашими телами, и выглядело это красиво. Мои руки скользили по её талии — и наверх, по талии и наверх. Я видел, что нравлюсь ей, и это было взаимно. Я подошёл с ней к бару, Гагик сделал нам два Б-52, и мы пошли дальше танцевать. Возвращаясь на танцпол, я увидел, что мои друзья стоят возле него и не заходят, глядя на всех танцующих как на прокажённых.

— Прости, солнце, я вернусь через минуту.

«Жду тебя», — сказала она, продолжая отдаваться танцу.

— Парни, вы чего тут стоите? Пошлите на танцпол.

— Да не, мужик, это как-то дико.

— Дико? А куда делось всё ваше желание отрываться? Вы чего?

— Слушай, а давай ты просто девок позовёшь каких-нибудь, типа покурить, а мы на улице тебя подождём. Как раз познакомимся.

— Пофиг, давайте.

На самом деле я не планировал им никого искать. Меня более чем устраивала подруга, с которой я познакомился, — её, кстати, звали Лера, и впредь я буду называть её так, — и я ни о ком не думал, кроме нас. Думал, мы сейчас выйдем покурить, и парни потом вернутся обратно за бар, увидев, что я никого не нашёл.

— Слушай, Лер, пошли курить!

— Да, сейчас, только подруг возьму!

И вот, через три минуты после ухода моих друзей на перекур, они наблюдают, как я выхожу из клуба, открывая дверь трём девушкам на улицу.

Для меня это была чистая случайность — я даже не замечал, что справа от нас с Лерой крутились ещё и её две подруги. А для парней это выглядело так, словно я — Гамельнский крысолов, который поёт в свою дудочку и очаровывает девушек, ведя их за собой.

— Девушки, знакомьтесь: это мои друзья — Жека и Марк. Меня зовут Ник.

— Я Лера, а это Дина и Маша.

Лера была среди них самой высокой, но она уже была со мной. Дина — брюнетка, на год старше нас, работала в салоне красоты. А Маша… Маша была просто ангелом. Маленьким

красивым ангелом, которому хотелось веселья и, возможно, любви. Иногда мне кажется, она нужна всем. Даже таким бессердечным людям, каким себя считаю я.

Не прошло и пяти минут от начала нашего знакомства, как к нам подошёл наш общий знакомый Макс, а через две минуты Марк громко сообщил всем совершенно ненужную деталь:

— А У НИКА КАЛЬЯН ДОМА ЕСТЬ!

— Ну, поехали тогда покурим, — сказала Дина, и девочки её поддержали.

ТАК ПРОСТО!? Это единственный вопрос, который тогда всплыл у меня в голове. Я видел за эти три месяца, как посетители знакомились и уезжали вместе, но никогда не видел, чтобы это было настолько быстро.

— Тогда договорились! Я заказываю такси!

— А я закажу второе! А то нас семь человек.

— Да, супер.

Макс тоже был из Балаклавы, но я видел, что парням не сильно хочется, чтобы он ехал с нами домой, и начал перетягивать одеяло на себя. Мы сели в машины и двинулись по моему адресу в Балаклаве: в одной — я с Лерой, Марком и Машей, в другой — Дина с Максом и Жекой.

— Никит, ты уверен, что нам нужен Макс? Он сейчас опять начнёт выёбываться, рассказывать, какой он пиздатый. Да и мы его не звали изначально. Даже сейчас. Нам же и вшестером нормально.

— Я согласен с тобой, ладно.

— Квартира твоя, так что и говорить тебе.

— Ладно, тогда остановимся за бухлом в Кадыковке, а как доедем до моего дома, я доплачу таксисту, чтобы он докинул Макса до дома.

— Да, заебись. Так и надо.

Мы приехали в магазин и купили три бутылки водки и шесть литров сока. Раньше я часто наблюдал за такими чудаками, какими мы были сейчас, — со стороны, и мечтал быть одним из них. Беззаботные, молодые, весёлые парни и девушки едут пить и трахаться на какую-то квартиру, из которой на выходные уехали родители на дачу. Я хотел быть одним из этих людей, но мне никогда не хватало смелости. Но сегодня я летал. Я чувствовал, как всё воздушно, и знал, что всё идёт так, как и нужно.

Мы заворачиваем за угол, и машины тормозят. Приехали.

Я вышел и сразу пошёл к соседней машине. Все вышли, но я попросил одного из таксистов остаться и позвал Макса.

— Слушай, Макс, я всё понимаю, мы знакомые, но мы не планировали столько народу ко мне на квартиру тащить. Я больше шести человек не поведу.

— Ну как раз ты и шесть человек. Ты же себя не ведёшь.

— Нет, Макс. Мы подвезли тебя до Балаклавы, но людей правда уже и так много.

— Это они тебя подговорили меня не впускать?

— Нет. У меня давно такое правило. Не больше шести человек.

— Ну, как знаешь, Никит. Однажды ты будешь в такой ситуации.

— От этого никто не застрахован.

Макс сел обратно в такси и уехал домой, а мы с ребятами уже спускались ко мне.

Ребята старались идти тихо, потому что время было почти двенадцать ночи, но из-за того, что они слишком старались, получалось слишком громко. Пьяные, весёлые и глупые. Именно такими мы и были.

— Никит, доставай ключи, я ссать хочу! Я не могу уже терпеть.

— СХОДИ В КУСТЫ, ЖЕКА.

— Я НЕ ХОЧУ ТАМ НИКОГО В КУСТАХ ПУГАТЬ!

— ДА НЕТ ТАМ НИКОГО В КУСТАХ!

— ОТКРЫВАЙ, ГОВОРЮ!

А девочки смеялись с нашего диалога, и примерно это же слышали мои соседи с лестничного пролёта. Если не спали, конечно. Я не могу быть в этом уверен.

— ЗАХОДИТЕ!

Выглядело всё так, словно мои родители спят где-то в спальне и мы боимся их разбудить. Мы разулись и на цыпочках направились в зал, продолжая говорить шёпотом, хотя дома никого, кроме нас, не было.

Мы с Диной пошли на кухню за рюмками и стаканами для запивона. Дина была самой хозяйственной из них. Она мне этим очень импонировала. Пока все доставали, мы перекинулись парой слов.

— Вы очень крутые, Дина. Я рад, что мы познакомились. Ты про нас ничего плохого не подумай. Мы не конченые.

— Очень на это надеюсь. Ты хороший — во всяком случае, мне так кажется. И Лере ты нравишься.

— Да, она мне тоже. Она красивая. И высокая, как и я.

— Идеально подходите, — сказала Дина, улыбнувшись и подмигнув мне, после чего унесла стаканы в зал.

Я не буду рассказывать вам о том, как мы разговаривали ни о чём, потому что в этом не было никакого смысла. Мы покурили кальян, выпили — и каждый человек в доме знал, для чего мы сюда приехали.

Дина и Жека ушли в спальню, перед этим что-то не поделив, — исходя из чего секса у них не было. Они и вправду просто легли спать.

Маша и Марк уединились в зале, и с момента их знакомства было видно, что они друг другу приглянулись. Хорошая пара.

А в третьей комнате — той самой, которую я называл балконом, — уединились мы с Лерой. Я сразу сказал остальным, ещё когда мы вышли из такси, чтобы в случае чего не занимали комнату с телеком. Именно поэтому нам досталась именно она.

И вот всё стало начинаться.

Мы целовали друг друга в объятиях. Два совершенно незнакомых человека. Но она нравилась мне, а я — ей. В этот раз этого оказалось достаточно, чтобы я перешагнул через свои принципы. Хотя, возможно, нам просто помог алкоголь.

Наши языки переплетались, и уроки Насти по поцелуям не прошли даром. Я и вправду чему-то научился. Это была словно война, но в музыке. Наши прикосновения парировали друг друга и создавали сексуальный вихрь, который становился всё сильнее и сильнее.

— Только сразу тебе говорю: это просто секс. Я не ищу никаких отношений, Никит, но мне очень хочется секса.

— Не думай, что мне хочется чего-то иного.

— Да ты просто душка, — ответила Лера с долей сарказма, и её рука стала опускаться вниз.

Она засунула руку мне в джинсы и начала надрачивать мой член. Мои мысли в тот момент были о том, что я благодарен судьбе: наконец-то кто-то касается моего члена, кроме меня самого. Стандартные девственные мысли. В члене появлялась пульсация от её движений, становилось всё приятнее. Я понял, что это сигнал, и засунул руку ей в трусы. И вот мой палец оказывается в ней. Она была такая мокрая, словно из неё сочится Ниагарский водопад. Там было так тепло, влажно — и это было приятно. Я, наверное, даже не мог определиться, что доставляет мне большее удовольствие: то, что она надрачивает мне, или то, что мой палец внутри её прекрасного лона. Это длилось минут десять. Мы целовались и дрочили друг другу, и в моменте она спрашивает меня:

— Так мы будем раздеваться?

— Да, разумеется. Не хотел просто тебя торопить.

— А ты точно не девственник?

— Посмотри на меня… О чём ты говоришь? — сказал я с той уверенностью, которая только когда-то во мне присутствовала.

— Ну да, согласна. Глупый вопрос.

И вот я стягиваю с неё джинсы, а после — трусики, прикусив их зубами. Не помню, почему я сделал именно так, но мне казалось, что это должно выглядеть эротично. И, я думаю, так оно и выглядело. И знаете что?

ПРЕЗЕРВАТИВ НИКАКОЙ Я НЕ ИСПОЛЬЗОВАЛ! Они были, но мне хотелось чувствовать эту девушку, чувствовать себя внутри неё настолько, насколько это вообще возможно.

Это было не просто желание. Это было что-то более глубокое, первобытное. Я видел в её глазах отражение себя — но не того себя, которого знал, а того, кто только начинал пробуждаться.

Лера слегка наклонила голову, прижимаясь к моей ладони, и в этот момент я понял, что все барьеры, которые я строил вокруг себя, рухнули. Я сделаю это. Мои пальцы скользнули к её шее, затем ниже, к ключицам. Каждый сантиметр её кожи, который я открывал, казался мне откровением. Её дыхание участилось, стало прерывистым, и я слышал, как бьётся её сердце — так же быстро, как и моё. Я хотел раствориться в ней, забыть обо всём, кроме этого момента, этого ощущения абсолютной близости. Она была прекрасна, невероятно прекрасна, и я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете, имея возможность прикоснуться к этой красоте.

Когда мы наконец оказались полностью обнажены, я смотрел на неё, и в моих глазах, я думаю, было всё, что я чувствовал: восхищение, трепет и неудержимое желание. Она казалась мне воплощением всего, что я когда-либо хотел, — освобождением от всего, что сковывало меня раньше. И в этом освобождении, в этой полной отдаче я нашёл что-то новое — что-то, что изменило меня навсегда.

Я вставил свой член в её лоно и услышал тихий стон, который усиливался с каждым движением и становился всё громче и громче, а мне хотелось всё больше и больше — и ни на секунду не хотелось выходить из неё. Я видел, как её тело выгибалось, словно у наркоманки с начавшейся ломкой, и всё это происходило во время секса и пленяло меня.

Во время этого я мог пересчитать её рёбра касаниями своих рук. Она была худенькая, но с прекрасной грудью и задницей. Пускай мой первый раз был не с той девушкой, которую я любил, — я понимал, что вполне могу полюбить и её, если захочу. А учитывая тот факт, что она была настоящим шедевром природы, я практически не думал о других возможных вариантах. Она продолжала стонать, я продолжал свои движения всё быстрее и быстрее — и вот она издаёт громкий стон, по её телу начинается сильная дрожь. Она кончила. Я думал, мне понадобится больше времени: примером секса для меня было лишь порно, а там актёры ебутся по полчаса-часу минимум.

— О, Никита… Это было прекрасно. Я всё. Прости, что я так быстро. Это было охуенно, — говорила она мне, каждую секунду пытаясь говорить чётче, невзирая на отдышку.

— Так ты кончила?

— ДА, КОНЕЧНО! — Лера взяла мою руку и положила себе на промежность, и я почувствовал, насколько она стала мокрее. Я хотел засунуть палец, но она попросила дать ей передохнуть. После этого я наклонил голову к ней и спросил на ушко тихим голосом:

— Нормально для девственника, а, Лер? — улыбаясь ей своей звериной ухмылкой.

— ДА НУ НАХУЙ!? СЕРЬЁЗНО!? ПОЧЕМУ ТЫ НЕ СКАЗАЛ!?

— Потому что в противном случае я всё ещё оставался бы девственником, а так я порадовал и себя, и тебя!

— ДА, НО ВСЁ РАВНО. ЛАДНО, ИДИ СЮДА!

Лера снова накинулась на меня, но на этот раз стала спускаться вниз, целуя моё тело.

— Я так понимаю, тебе и не сосали никогда, верно? — её интонация стала настолько игривой, что я просто хотел, чтобы она привязала меня и делала со мной всё, чего только захочет. И вот она взяла его в рот. Вау.

Не скажу, что это прямо вау, как показывают в фильмах и сериалах. Минет и минет. Наверное, мне было морально приятно, что я так быстро после завершения своего целибата перепрыгнул на другую ступень. Но всё же.

В какой-то момент она слишком вошла во вкус и забыла о том, что нужно быть аккуратнее, когда занимаешься такими интимными вещами. Уздечка моего члена застряла у неё между зубов, и — аккуратно, но не без боли — она своим языком смогла её вытолкнуть.

Следующие двадцать минут секса были болезненными, но после боль сошла на нет. Кстати говоря, кончить у меня совершенно не получалось — и меня это даже радовало, потому что до первого секса ни один парень не знает, скорострел он или нет. После секса я позвонил отцу и поблагодарил его за гены, на что он никак не отреагировал. Как-то так. Наверное, нужно было уточнить контекст, но я не стал этого делать.

На следующий день мы снова встретились. Гуляли пьяными по ночному городу. Я окружил ремнём своей косухи талию Леры, прижимая её к себе, и мы, наверное, правда выглядели счастливыми. Мы купили ещё алкоголя и вернулись домой. В спальне, как обычно, трахался Марк — вместе с Диной, а на балконе — мы с Лерой. Она даже привезла секс-игрушки, в составе которых были наручники. Она прицепила меня к батарее и начала делать мне минет, но в какой-то момент у меня зачесался нос, и я рефлекторно потянулся его почесать — сломав при этом, ненамеренно, наручники. Качество таких игрушек, как правило, говно. Не скупайтесь в дешёвых секс-шопах.

После мы продолжили пить, и Лера словила синюю агрессию — мы начали орать друг на друга. Почему? Честно не помню. Смысл был просто в том, что это было. Но меня успокаивал тот момент, что она в первую же ночь сказала: это просто секс, и никакие отношения ей не нужны. Не придётся привыкать к этому.

На третьи сутки мы, как обычно, пили, трахались и смотрели фильмы. И в какой-то момент Лера поворачивается ко мне и задаёт мне вопрос:

— А с какого дня можно считать, что мы официально встречаемся?

Я видел, с какой радостью и игривостью она спрашивает меня об этом, и мне, честно, не хотелось её обидеть. Абсолютно не хотелось. Но так вышло.

Так вышло. Какая же уёбанская фраза — но она передавала всю суть этого момента.

— Погоди, так ты же говорила пару дней назад, что это просто секс и что тебе не нужны отношения. Разве не так?

Лера поднялась и, прокричав фразу «ТЫ ТАКОЙ ЖЕ, КАК И ВСЕ!», убежала в спальню к Дине с Марком. У меня было такое чувство, что вроде как я мог сказать то, что она хочет услышать, и не расстраивать её, — но я понимал тот факт, что всё, что могло быть у нас в отношениях, уже произошло. Мы пили, ссорились, трахались и засыпали. И так по кругу. Да, звучит охуительно клёво, вроде, — но я не видел именно её рядом со мной. С ней мне бы просто стало скучно, а я переехал в этот город, чтобы прожить сумасшедшую жизнь. Сид и Нэнси, Бонни и Клайд, Курт и Кортни, Тельма и Луиза, ахах. Я хотел сумасшедшую жизнь — и чтобы она не становилась скучной ни на миг. Лера чудесная, но она просто не для меня. Когда-то я встречу ту, с которой мы будем бессмертны для других и смертны лишь друг для друга. Будем высасывать друг из друга жизнь, потому что друг без друга, как ни странно, мы не можем. Наверное, я слишком романтизирую.

В пристройку вошёл Марк, окутанный в одеяло таким образом, словно они с Диной играли в римских правителей или что-то в этом роде.

— НИК, ЗАБЕРИ ЕЁ! ЧЕ ОНА К НАМ ПРИПЕРЛАСЬ?

— Она спросила про отношения, и…
— И ты сказал то, что сказала тебе она в день знакомства.
— Именно.
— Значит, всё, да? Заканчиваем?
— Да, эту вечеринку закончим. Их ещё столько впереди.

ГЛАВА 3. НАВЕРСТЫВАНИЕ УПУЩЕННОГО

Я проснулся от чувства голода. Сколько я проспал? Часов восемнадцать? Наверное, я вернул организму все потерянные часы сна, которые задолжал ему во время вечеринок с Лерой, Диной и Марком. На часах было шесть вечера, а на календаре — первый день ноября 2018 года. И пускай четверг не сильно подходил для попойки, меня это не остановило. Все эти дни после встречи с Лерой я не был в «Изи», и меня почему-то потянуло туда. Действительно, почему же… Наверное, потому что там я встретил первую девушку, с которой у меня был секс, и мне захотелось ещё. Плюс я люблю внимание, которое получаю на сцене. Публики сегодня будет немного, тихий вечер, и я надеюсь, что проведу его за барной стойкой, за разговорами с какой-нибудь одинокой красавицей, которой сегодня тоже не спится.

Я зализал волосы назад, закрепив их лаком, надел свой пиджак с выпускного, джинсы, ботинки и водолазку. Выглядело достаточно неплохо. Ахе от пота, надменное, но доброе лицо. Я смотрел на своё отражение и не мог поверить, что я — это я. Мои родители воспитывали во мне чувство того, что я некрасивый, и у них это получалось. Наверное, они не хотели, чтобы я относился к себе как-то по-особенному. Мне говорили, что у меня обычная приятная внешность. Куда парню с обычной внешностью ездить в ночные клубы, петь на сцене, искать красивую девушку? Ты обычный парень! У тебя должна быть обычная жена и обычная жизнь, в которой ты заработаешь на пенсию, и так далее. Я хотел чего-то большего. Не этого. Хотел, но не знал как — я ведь обычный? Я не должен чувствовать то, что чувствую, но я чувствовал.

Вот я уже три минуты стою перед зеркалом, полностью собранный, и рассуждаю обо всём этом. Я больше не видел неуверенного парня с Камчатки. Я видел, как во мне растёт что-то сильнее и лучше. Пускай всё так и продолжается.

Вышел из дома и, спускаясь к остановке на площади 40-летия Октября, зашёл в алкомаркет и взял себе бутылочку «Реддса», чтобы распить её до клуба. Наушники с музыкой и бутылочка чего-либо — порой больше ничего и не нужно. Люди ехали с грустными и уставшими лицами, очевидно, домой с работы, а я, молодой и глупый, не понимал, почему эти люди не могут улучшить свою жизнь. Почему они не радуются, что живут в таком классном городе? Почему никто из моих сверстников не радуется тому, что у них есть? Тому, какие у нашего поколения сейчас есть возможности для всего? Наверное, я никогда не смогу ответить на этот вопрос, как и на многие другие. И вот, барабанная дробь, автобус приехал к месту назначения — к площади Лазарева. Мой выход.

Пока я принял душ, собрался и приехал сюда, уже стемнело, и наступала очередь Луны править этим праздником жизни.

— И в этот прекрасный вечер для вас поёт…

Валера был директором арт-команды, и он уже начал представлять вокалисток, которые будут разбавлять своими прекрасными голосами эту ночь. Похоже, я успел как раз к началу.

— Слушай, молодой, нахуй ты ещё трезвый? Давай исправлять это! — сделал мне предложение бармен, от которого нельзя отказываться.

— Да, давай! Почему нет? — и я действительно не мог найти для себя причину, чтобы не выпить. Планов на завтра не было. Прийти на пары, на которых я и так всё знаю? Скучно. Мне хотелось выпить и посмотреть, что интересного со мной может произойти. Пить портвейн в подвале и на трубах на Камчатке — такие сценарии я уже видел. А что мне предложит вселенная, если я накидаюсь в клубе? Вот и посмотрим.

Спустя час коктейлей и шотов, которые в меня вливал Гагик, я просто плыл по течению. Помимо меня, Гагик спаивал ещё пару девушек, с которыми мы перекинулись парой слов, и вот ко мне подходит ведущий Ваня и толкает меня на сцену, чтобы я спел «Ламбаду», которую

заказал сорок минут назад. Что ж, похоже, тогда я ещё мог стоять на ногах не шатаясь, раз подошёл к диджейской стойке к Диме, чтобы заказать песню.

— А теперь на сцену выходит молодой парень, который несколько месяцев назад свалился к нам на голову, и мы просто уже не можем его выгнать! Хотя знаете, мы уже не пытаемся! Выходи! — Ваня всегда умел неплохо представить и обосрать человека одновременно. Хорошее качество ведущего.

Песня началась, и мой голос неплохо поёт и попадает в ноты — судя по тому, как мне кажется, и по реакции гостей. Моё тело и разум же были настолько пьяны, что микрофонная стойка стала для меня настоящей опорой. Две девушки, которых Гагик спаивал вместе со мной, уже будучи пьяными, побежали к сцене. Одна из них стояла и кричала, что я охуенный, и я, недолго думая, отдал микрофон Ване и спустился к ней.

— НИКИТА, ВЕРНИСЬ! — кричал мне ведущий, но я ему уже не отвечал.

Я стоял и целовал эту кареглазую девушку. И пускай я знал, что её большие карие глаза — всего лишь линзы, меня это в тот момент не волновало. Я целовал её, а она меня.

— Эй, Лера — попробуй! Он неплохо целуется!

И в моменте я стою и целуюсь уже с двумя подругами. Танцующих на танцполе это напрягло, и они ушли за столы, а мы просто стояли втроём по центру танцпола и целовались. А почему нет? Две девушки хотят и целуют меня одновременно. Кто я такой, чтобы от такого отказываться, если раньше я не всегда мог привлечь внимание хотя бы одной девушки.

Мы вернулись за барную стойку, и Гагик в шутку называл нас блядьми, параллельно наливая ещё по коктейлю. Одна из девушек просила, чтобы я заказал такси, чем я, в целом, и занялся. С этими двумя подругами была ещё одна, которая почти не пила, сидела тихо, скептично поглядывая на меня, и кого-то мне напоминала, но у меня не было ни малейшего желания вспоминать, кто она и откуда я её знаю.

Такси приехало в течение пары минут, и мы быстро, настолько быстро, насколько это было возможно, вышли из клуба и прыгнули в старенький «мерседес» девяностого года выпуска, который приехал на наш заказ.

Спереди, справа от водителя, села эта таинственная подруга, а сзади расположились мы втроём. Мы ехали около сорока минут в целом, учитывая остановки, потому что раза три точно мы просили таксиста остановить машину, чтобы я проблевался. Наверное, мне не стоило перед выходом допивать все коктейли девчонок. Я не хотел, чтобы добро пропадало. В третий раз блевать со мной вышла даже та кареглазая подруга, составляя мне компанию и занимаясь ровно тем же. Похоже, алкоголь был лишним и для неё. Несмотря на это, мы всё так же ехали и целовались, пока не добрались до крайней дороги, которая в течение пары минут уже привела бы нас домой. Однако домой вернулись не все…

— БЛЯТЬ! — стала кричать подруга той кареглазой. Красивая, кстати говоря, блондинка.

— Я СВОЙ АЙФОН ПРОЕБАЛА! МОЙ ПАРЕНЬ БОРЕЦ — ОН УБЬЁТ МЕНЯ НАХУЙ! — и через пятнадцать секунд криков ненависти к самой себе эта девушка выбежала из машины и убежала в сторону магазинов. Больше я её не видел, а если и видел, то не помнил. Было грустно от того, что она ушла, потому что я всю дорогу надеялся на секс втроём. Вы прикиньте? Только начал свою половую жизнь — и уже тройник. Мой внутренний подросток ликовал, но по итогу эта блондинка убежала почти перед самым домом, а девушка спереди не интересовала меня от слова совсем. Неудивительно: мы под разным градусом.

Благодарность таксисту за то, что довёл нас, злой взгляд на пьяных нас — и вот я уже поворачиваю ключи в двери дома, чтобы заняться сексом с этой кареглазой подругой. Вторая подруга, которая ехала спереди, просто пошла и легла на балконе, словно уже была в этой квартире и знала планировку. Меня это удивило лишь на одну секунду, а после меня схватила за член через джинсы эта кареглазка, и мы отправились в спальню.

Целовались мы минут десять, и из них минут семь мне точно надрачивала эта подруга, а я — ей. Мне казалось, что сразу переходить к сексу — оскорбительно для девушки, и потому я не торопил её к этому. Кстати, насчёт того, что я дрочил ей. В неё поместилось четыре моих пальца, а они, на секундочку, длинные и нихуя не тонкие, — и ей было норм. А потому, когда настал момент вставлять моего приятеля с нижних этажей, я неловко удивился тому, что она начала кричать:

— ТИШЕ! ТИШЕ! НЕ ТАК БЫСТРО! МНЕ БОЛЬНО! — кричала она игриво.

— Чё ты пиздишь?

— ЧТО!?

— Нет, ничего, ничего!

Мы сделали вид, что я ничего не говорил, и продолжили трахаться. На удивление, я смог кончить минут через двадцать. С Лерой мне приходилось долго добираться до финиша, а с ней так быстро. Я удивился, буду честен. Второй раунд прошёл уже без моего завершения, потому что мы просто заебались и легли спать.

Наутро я проснулся от того, что мой телефон вибрировал как бешеный. Однокурсник звонил мне сообщить, что мне нужно будет прибыть в колледж к десяти утра, чтобы сдать какой-то тест или экзамен по информатике. Я знал всю теорию по информатике лучше любого на моём курсе, потому что на Камчатке занимался этим дополнительно.

— Я тебя услышал, буду собираться.

— Увидимся!

Я встал с кровати и увидел, что моя ночная подруга ещё спит. Кстати говоря, без линз и на трезвую голову она выглядела не так прекрасно, как вчера. Я понимал тот факт, что не оставлю незнакомого человека в квартире, а потому начал собираться, параллельно думая, как заставить её проснуться и начать собираться. Надев свою рубашку моряка с погонами матроса, галстук и брюки, я увидел, что выгляжу так, словно мне лет четырнадцать. Недолго думая, я сделал свой голос более детским и начал будить в таком виде свою спутницу, объясняя ей, что мне пора на учёбу. Её взгляд нужно было видеть.

Она собрала вещи за пару секунд и выбежала из квартиры с аварийными глазами, будучи уверенной, что переспала с подростком, забыв свой футляр для линз. Грустно, конечно, но так будет лучше.

— Ну теперь можно и собраться! — сказал я, собираясь пойти переодеться в нормальную одежду, потому что я всегда комплексовал от того, что выглядел младше своих лет, — и услышал, как мне равномерно и цинично хлопает подруга с балкона, про которую я совсем забыл. На трезвую голову я вспомнил, что меня с ней знакомил Марк и мы пили большой толпой у меня на квартире около месяца назад. Видимо, поэтому она смотрела на меня скептично, не понимая, как я мог её не помнить.

— Здравствуй, Даша. Думал, я остался один.

— Нет, что ты. Я не виню тебя. Классный ход, кстати. В этой форме моряка ты слишком похож на ребёнка.

— Мне не сильно хотелось её полчаса упрашивать, чтобы она начала собираться. Проявил креативность.

— Всё хорошо. Ты в колледж, я так понимаю? Подкинешь меня?

— Да, без проблем.

— Как, кстати, зовут твою подругу? И вторую тоже. Она нашла телефон?

— Да, она оставила его на барной стойке. Странно, что она была уверена, что её убьют за телефон, а целоваться с тобой и Эвой посреди центрального ночного клуба её не смутило.

— А вторая? Которая доехала с нами.

— Которую ты трахнул? Это Эвелина — моя подружка с родного города. Хотя все знают её как джанкойскую шлюху — говорящее прозвище, хотя денег она не берёт.

— Мило.

— Надеюсь, ты использовал резинку.

— Разумеется.

— Разумеется.

Мы с Дашей посмотрели друг на друга с пониманием, и я заказал такси до колледжа. Милая получилась вечеринка. Надеюсь, я ничем не заболел. Кейс от линз напоминал мне об этом дне ещё полгода, пока тоже куда-то не пропал, как и многие вещи в этом доме.

ГЛАВА 4. ЛЮБИШЬ ИНФОРМАТИКУ?

Я не сильно парился по поводу того, что начал блудить. Время моего студенчества я примерно так и представлял. Мне хотелось разрушить главное клише многих людей о том, что нельзя вести разнузданную жизнь и хорошо учиться. Впереди была целая жизнь, и это меня вдохновляло. Я стал нормально ходить на учёбу, несмотря на то, что всю теорию я знал.

Было приятно быть самым умным на курсе. Отвечать на любые вопросы преподавателей с надменным лицом, без ошибок, и блистать. Было приятно собирать взгляды половины колледжа, которые видели, что я сиял, — и это добавляло мне уверенности и всеобщей любви, разумеется.

Одной из любимых пар у меня была информатика, так как я знал её слишком хорошо для студента первого курса. За счёт того, что я пришёл на учёбу после одиннадцатого класса, на меня засматривались все студентки с первого по третий курс. Было приятно, как я уже говорил. Моя преподавательница информатики была старше меня на пять лет, и потому мы разговаривали с ней как сверстники-приятели. Однокурсники даже думали, что по ночам мы вместе тусуемся в караоке, но это была лишь наша с ней шутка, которая не несла в себе ни капли правды. По этой причине в кругу полубунтарей, в котором я оказался, мой однокурсник Дима, находясь в поиске репетитора по информатике, наткнулся на девушку, которая давала дополнительные уроки, в группе «ВКонтакте».

— Ник, ты же по информатике, да? Смотри, какая классная!

Дима показал мне девушку, которая была младше меня на год. Красивая, ухоженная и с довольно впечатляющими формами. Она была наполовину азиаткой. Во всяком случае, что-то восточное в ней точно было. Её звали Полина.

— Давай так: я даю тебе её ВК, и если ты с ней переспишь, то с меня ящик пива. Договорились?

— Договорились.

Мне не сильно была интересна эта ставка. Ящик пива я мог купить себе в любой день, в который мне вздумается, но так как моей благодетели был брошен вызов, а девушка была красивой, я был за. Почему бы не попробовать?

Я открыл её страницу и, прежде чем написать ей, изучил её добавленные видеозаписи, музыку, которую она слушает, и фотографии, которые она выкладывала. Собрав нужную мне информацию, я написал ей, и наш диалог выглядел примерно так:

— Привет!

— Эмм… Привет. Мы знакомы?

— Нет, но я хотел бы это исправить.

— Ах, как неудивительно.

Я понял, что она слишком в себе уверена, и решил сыграть в эту игру. Я ведь тоже неплохо играю, не так ли? По крайней мере, мне так казалось.

— Слушай, я не собираюсь одаривать тебя цветами, как на твоих фото, не собираюсь по вечерам смотреть с тобой сериалы вроде «Закона каменных джунглей» и «Ривердейла». Я не буду стараться стать для тебя тем парнем, который будет пытаться тебя завоевать. Я просто недавно переехал в Севастополь и всего лишь ищу новые знакомства. Увидел твою страницу и решил пригласить тебя пойти со мной в кино на «Человек-паук: Через вселенные», потому что ходить в кино в одиночестве — это отстой. Не нужно додумывать того, чего нет. Да и у тебя, мне кажется, на завтра планов никаких особо нет. Поправь меня, если я ошибаюсь.

— Хах, интересно! Ладно, давай тогда сходим в кино. Я заинтригована.

— Договорились. Я напишу вечером время и кинотеатр.

— Хорошо.

Через пять минут после этого диалога я стал для парней героем. Они поняли для себя, что информация о человеке в сочетании с уверенностью в себе даёт отличные шансы заинтересовать девушку. Я был что-то вроде их малолетнего коуча, которого, по факту, всё это не интересовало — лишь я сам. Просто было приятно спустя столько лет так часто оказываться в центре внимания.

Вечером я вернулся домой и написал Полине время и место встречи.

— 14:40 у кинотеатра «Победа».

— Хорошо, я буду там. Доброй ночи.

— И тебе доброй ночи.

В этот вечер я не решился ехать в «Изи». Решил, что будет дурным тоном явиться к ней с перегаром. Я просто поехал следующим утром на учёбу, а в 14:40 я должен был быть около кинотеатра, чтобы пообедать и встретиться с ней.

14:00 — звонок от Полины.

— Блин, Ник, прости, пожалуйста! Я проспала. Чуть-чуть задержусь, ладно? Извини, пожалуйста.

— Да, без проблем. Буду тебя ждать на Нахимова.

— Хорошо.

Я ехал туда с хорошим настроением. Несмотря на конец ноября, солнце светило невообразимо ярко, и казалось, что оно вот-вот сделает всех окружающих меня людей счастливыми — и, возможно, меня, если у него хватит сил.

Прошёл час, а Полины всё не было. Зато у меня было немного зеленой, которую мне подогнали друзья в сигарете. Недолго думая, я принял решение покурить, зная, что, пока Полина приедет, я уже отрезвею. Кто бы мог подумать, что от пары тяг люди покажутся мне ещё светлее, чем в реальности. Это чувство воздушное, совершенно недосягаемое. Незнакомцы проходили мимо и не понимали, чему я так радовался. Светился, одним словом. Кто бы мог подумать, что меня пробьёт на еду. Проявился первобытный голод, и утолить его могли лишь несколько больших жирных бургеров и колу.

Съев их в забегаловке, я не заметил, как протрезвел. Полина написала, что будет на месте через полчаса, а денег в кошельке у меня осталось совсем немного. Около тысячи рублей. Буду импровизировать.

— Алло, Никит! У меня один процент на телефоне. Буду на месте через десять минут. Прости, что опаздываю так сильно. До встречи.

Опаздывала она и вправду сильно. На часах было 18:30, и, пускай до нашей встречи оставалось всего десять минут, я также понимал, что, в целом, она опоздала на четыре часа. Одна подруга недавно спросила меня, зачем я ждал её столько времени. Я раздумывал над ответом какое-то время и пришёл к выводу, что тогда я всегда верил в лучшее. Да, она опаздывает, но сейчас, уже вот-вот она приедет, и она оценит моё терпение и подарит мне немного своей прекрасной компании. Подарит такому идиоту, как я, который всегда будет помнить об этом вечере и будет благодарен тому, что был терпелив, а взамен получил небольшое, но хоть какое-то количество времени с этой прекрасной, почти мифической девушкой. Если бы я не дождался её — то мой следующий месяц прошёл бы, скорее всего, скучно, а так я провёл его с ней. И спасибо ей большое за это время, проведённое вместе. За прекрасное воспоминание.

Ускоримся. В кино мы так и не пошли и отправились в кальянную, в которой я потратил последнюю тысячу рублей, которой на оплату всего счёта мне и не хватило. Она мне немного подсобила — сама заплатила за вафли, которые заказывала себе. Я же прикинулся ей, что почти не ем сладкое. Ем, и очень много. Просто средства не позволяли мне тогда брать в меню разных заведений всё, что мне хотелось бы.

После мы бегом побежали в «Изи», чтобы успеть занять стол с акцией в виде стойки шотов. Как же часто эти акции спасали меня, и отдельное спасибо Гагику, что налил нам пару коктейлей за счёт заведения.

Я спел, и она влюбилась в меня. Долго ещё не признавала этого, и я верил в то, что она говорила, будто это не так. Тогда меня было несложно обмануть. Я был наивен и глуп. Она же сияла. Я наблюдал, как она танцует и её грудь подпрыгивает и гипнотизирует меня. Как её руки в танце слегка касаются меня, заманивая всё сильнее. Думаю, я тоже влюбился, но по-своему.

С годами я стал понимать, что каждую девушку, которую я встречал, — и неважно, сколько времени прошло между нами, десять минут или десять лет, — я любил. Не той любовью, которой они бы хотели, но любил.

Коктейли Гагика сработали как часы. Мы не планировали так напиваться, разумеется, но он решил проверить на нас свой ядерный коктейль в действии. Не прошло и получаса, как после одного-двух его коктейлей мы стояли и целовались снаружи клуба. Целовались, и одновременно нас вертолётило, а потому наши тела, пускай и стояли на ногах, но верхние их части явно покосились набок. Это было и смешно, и мило.

— Здесь такая громкая музыка… Может быть, поедем ко мне? У меня отличная коллекция фильмов, которая могла бы тебе понравиться.

— Никки, я хочу посмотреть с тобой фильм, но я боюсь не сдержаться и натворить глупостей…

— А что плохого в глупостях и зачем сдерживаться? Мы ведь живые люди, со своими желаниями, и мне кажется, что в эту ночь наши желания совпадают.

— Да, совпадают. Но моё желание сейчас не соответствует моим желаниям на трезвую голову. У меня есть принципы.

— И какие же?

— Неважно. Давай так. Сейчас мы едем по домам, а завтра я приезжаю к тебе к часикам шестнадцати на просмотр кино. Успеешь подобрать что-нибудь?

— Да, думаю, успею, миледи.

Полина поцеловала меня на прощание и, словив машину такси, уехала домой. Моим дальнейшим планом было попрощаться с близкими из «Изи» и пойти домой пешком. Четыре часа ходьбы. Все деньги ведь я потратил.

И вот я иду домой, а Луна ярко освещает мне дорогу. Прекрасная Луна. И зачем она мне вечно светит? Чем я заслужил такую радость?

ГЛАВА 5. СЕКС БЕЗ ОТНОШЕНИЙ

Я ждал Полину к шестнадцати часам, но она позвонила мне в четырнадцать, предупредив, что немного опоздает. Надеюсь, не как вчера — на четыре часа. Мне хотелось её удивить, и я начал готовить пасту болоньезе. Итальянская кухня стала первой, которая мне приглянулась после переезда в Севастополь. Всё было готово к семнадцати часам, однако Полина приехала лишь через час. Похоже, пасту придётся подогревать. Я спустился встретить её с остановки, так как она отказалась ехать на такси, и по дороге мы зашли в алкомаркет, купив бутылку вина, которая ей приглянулась. Я же купил себе водку и редбулл, на что она сказала, что эта херня однажды убьёт меня, — хотя я понимал, что её это мало волнует.

Мы вернулись домой, я снял с неё куртку и повесил в коридоре, а после провёл её к столу. Я вёл себя как настоящий джентльмен. Мне стало интересно примерить такую манеру поведения, и мне она понравилась. Полина села за стол, и я подал нам пасту и напитки. Официант какой-то, но ей это понравилось.

— Ты сам это приготовил?

— Ну да. Моё маленькое хобби.

— Очень вкусно. Редко встречаю парней, которые умеют готовить.

— Хотел тебя удивить. Сам себе я редко готовлю, только гостям.

— И много у тебя гостей бывает?

— Скажем так, от одиночества не страдаю.

— Я поняла тебя.

— Так что у тебя за фильм?

— «Этот неловкий момент» 2013 года, с Заком Эфроном.

— Не смотрела. Он мне понравится?

— Будем надеяться.

Этот фильм стал для меня классикой. Я знал, в какой момент и что нужно говорить, чтобы добавить романтики. Отработанный план, спасибо Лере.

— Почему Севастополь? Ты тут родилась?

— Играем в двадцать вопросов? Хорошо, поиграем. Я из Одессы. Переехала сюда на время учёбы, а так я часто путешествую.

— Родители, я так понимаю, спонсируют?

— Мы не богатые и не бедные, но на отдых за границей хватает.

— Я понял тебя.

— А ты откуда?

— Переехал сюда полгода назад, так же, как и ты, — на учёбу.

— Ты был сегодня на парах?

— Нет, и мне необязательно. У меня особые условия.

— Вундеркинд?

— Нет. Скорее просто дурак.

— Самокритично — мне нравится.

— Я закончил одиннадцать классов и поступил в колледж. Всю программу первого курса я уже изучал, а потому мне необязательно быть на всех занятиях. В этом нет никакого смысла.

— Тогда всё понятно.

Мы общались с Полиной ещё часа четыре-пять. Слушали музыку и пили. Казалось, что нам обоим было весело. Не могу говорить за неё.

Напитков не осталось, и мы пошли в кровать — смотреть этот фильм.

Алкоголь сработал на отлично, и через полчаса фильма мы уже просто лежали и целовались. Я не использовал алкоголь, чтобы выебать её и так далее. Для меня это инструмент, чтобы

немного развязать нам руки. Я понял для себя, что в основной своей массе люди часто себя сдерживают, и порой, чтобы быть искренними друг с другом, нужно выпить. Так как она мне нравилась, мне хотелось узнать её. В сексуальном плане, разумеется, тоже, но это уже тогда, когда она будет готова.

Я снял её кофту, а она сняла лифчик, и я увидел её прекрасную большую грудь. Появилось понимание, что это зелёный свет, и я начал стягивать с неё джинсы, а когда попросил снять их полностью, она сказала, что я тороплюсь. Я не стал спорить. Мы продолжили целоваться, и она была в позе наездницы, но мои руки…

Мои руки стали спускаться с её попы к вагине. Благо они у меня очень длинные. Полина резко прижала мои руки к подушке и выкрикнула:

— Я сказала, не торопись! Я не такая, как твои подруги-шлюхи. Я не сплю налево и направо. Понял? Никакого секса.

— Да, понял. Как скажешь.

И мы продолжили целоваться, и это длилось около четырёх часов. Мне не хотелось останавливаться целоваться, но и останавливаться на поцелуях тоже, поэтому я пытался раз в час залезть к ней в трусы. Спустя первый час я лапал её прекрасную голую попу. Она была не менее прекрасна, чем её грудь. Как я уже говорил, эта девочка выиграла лотерею.

Спустя следующий час я трогал её рядом с вагиной, но она снова убрала мои руки. Спустя полчаса я уже касался края её больших половых губ, но она снова периодически убирала мои руки. И вот в один момент я уже массировал её киску, а она не делала мне замечания и не убирала мои руки, и я взял на себя наглость войти в неё пальцами — и услышал тихий стон.

У меня получилось. И вот я услышал её слова:

— А ты не будешь считать меня шлюхой, если мы сейчас переспим?

— Что? Шлюхой? Нет, конечно. Ты прекрасна.

— Тогда ладно.

Она слезла с меня и стала стягивать с себя джинсы, после снимая мои. Она не хотела никаких больше прелюдий и просто вставила его в себя, продолжая двигаться в позе наездницы, и довольно умело. Учитывая тот факт, что она была прекрасна, я чувствовал возбуждение такого уровня, какого прежде не испытывал. Да, у меня, пускай, и не было много опыта на тот момент, но сам факт. Мне сразу вспомнились слова Марка, когда я говорил ему, что рад тому, что я не из быстрых. Он сказал, что однажды я встречу такую девушку, с которой буду кончать быстрее, чем от дрочки. Я понял, что секс с ней — это тот самый случай.

— Есть презервативы?

— Со мной они не нужны, дорогая.

— В каком смысле?

— Скажем так, добираться до моего окончания нужно достаточно долго.

— Ну как скажешь.

И я вошёл в неё. Это было прекрасно. Знаю, что буду писать это ещё много раз в этой книге — о том, как прекрасно всегда начинается секс, — но сам факт.

Через какое-то время я понял, что мои навыки сдерживания не работают, причём именно с этой девушкой. Марк всё-таки был прав.

Спустя пятнадцать минут я спихнул Полину с себя — которая, кстати, была очень хороша в роли наездницы — и сразу побежал в зал за презервативами.

— ТЫ КУДА?

— ЩАС ВЕРНУСЬ!

Я открыл тумбочку стола, достал контрацептивы и вернулся к Полине.

— Зачем это?

— Так будет лучше — поверь мне.

Я улыбнулся и вошёл в неё. Да, как я и говорил — невероятная девушка.

Спустя пять минут я понял, что я кончаю, пускай и в презервативе. Я кончил и получил незабываемое удовольствие, не считая того, что кончил в гондон. Так или иначе, заканчивая, я не подал виду, а член у меня всё ещё стоял. Поэтому я снова выбежал из комнаты со словами, что я сейчас вернусь, и побежал мыть член от спермы. Через минуту я уже снова был в ней, и мы продолжили заниматься сексом.

Я уверен, что это только начало наших взаимоотношений. После секса мы лежали и курили в кровати. Эту романтику я позаимствовал из передачи «6 кадров». Там часто показывали, какой же всё-таки кайф — курение после секса.

С каждым последующим днём Полина приезжала и оставалась у меня.

Она говорила, что это не отношения, а просто удовлетворение наших общих нужд. Я был и не против, но меня удивляло, что она не хочет отношений. Позже она всё-таки ответила на мой вопрос «Почему нет?».

— Мы слишком быстро переспали. Обычно я месяц изучаю парня, взвешиваю все за и против и определяюсь, могу ли ему доверять. Отношения — это в первую очередь доверие. И его у меня к тебе пока нет. Тем более ты через неделю улетаешь на Камчатку, и чёрт его знает, скольких девушек ты там трахнешь. Когда вернёшься — я, скорее всего, буду готова.

Я принял её слова. Они не были лишены смысла, и потому я согласился.

В крайний вечер перед отлётом мы снова поужинали, и я не заметил, как пролетел месяц после нашего знакомства. На дворе был уже декабрь, а через неделю Новый год, и я заранее подарил ей хорошие наушники Marshall, к которым она первоначально отнеслась апатично, но в итоге мой подарок понравился.

В нашу крайнюю ночь перед вылетом Полина понаставила по всей моей груди, на плечах и на шее засосы и укусы во время наших марафонов в спальне. Как мне показалось, она пыталась так меня обозначить на всякий случай — что я занят. Странно, конечно, учитывая тот факт, что она сказала, будто я могу делать на Камчатке всё, что мне захочется, ну да ладно. Мы выпили после кофе на балконе, мило беседуя и покуривая сигареты, а после она пошла одеваться. Напоследок она обняла меня, мы поцеловались, а после она вышла из квартиры в сторону ожидающего её такси. Я же вернулся в спальню и начал собирать вещи. Утром самолёт.

ГЛАВА 6. ГРИНВУД

За эти полгода самостоятельной жизни в Севастополе мне казалось, что я очень вырос. Стал достаточно самостоятельным, чтобы принимать какие-то взрослые решения и так далее, но также понимал, что я всё ещё тот подросток с Камчатки, который сидел на горячих трубах с сигаретой в руках, мечтая о большой любви. После прихода секса в мою жизнь и после понимания того, что многим девушкам даже не нужны отношения для этого, я понял, что они и мне не нужны.

Когда мне было лет шестнадцать, я переживал тяжёлый, как для ребёнка, период необычных отношений. Назовём это френдзоной с абьюзером в лице женщины. Я состоял в таких отношениях два года и терпел очень неприятные моменты почти каждую неделю. И сказать, что на моём месте эти события оставляют неприятный привкус, — это ничего не сказать. Её звали Катя, и ей было пятнадцать лет. Всего лишь один год разницы, и когда мы познакомились, я считал, что, так как я старше, то я покажу ей взрослую жизнь. Но моей жизнью на тот период времени были игры в приставку и поедание чипсов. Её жизнь в пятнадцать лет была совершенно кардинально другой…

Она съехала от родителей в четырнадцать лет, устроилась на работу в больницу санитаркой и стала снимать квартиру, а ночью могла подрабатывать у знакомого официанткой в баре, чтобы хватало как-то поддерживать родителей. Она была другой. Совершенно иной девушкой, в отличие от тех, которых я встречал ранее. Не то чтобы я встречал многих и что-то понимал в том возрасте, но от моих ровесниц она явно отличалась.

Она была словно взрослой девушкой, у которой огромное количество планов, которые она в состоянии осуществить, — но не в теле пятнадцатилетней девочки. Её оболочка стала для неё тюрьмой, а я был вечным слушателем её мыслей. Её планы превратились в мечты. Тяга к приключениям превратилась в посещение каждой вписки в городе. И люди понимали, что она куда старше своих лет, и они не волновались о ней ни капли. Никто не беспокоился об этой девочке, о которой я не мог не беспокоиться.

Она каждый раз, собираясь на очередную вписку, оповещала меня, словно радио конца света. Неприятно слышать и признавать то, что ты услышал, но ты ничего с этим не сделаешь. Просто принимаешь это к сведению.

К примеру, могли быть такие сообщения в нашем диалоге:

— Ник? Я немного занята. Собираюсь с друзьями на движ у приятеля на квартире. Давай завтра поговорим?

— Постой, какая квартира? Что за приятель?

— Ну, у приятеля! Ты его не знаешь.

— Кто там будет? Ты берёшь каких-нибудь подруг с собой?

— Из девочек там буду только я. Всё, я ушла, напишу утром.

Так и зарождался мой алкоголизм. Я не мог спокойно спать, когда она там, с какими-то неизвестными людьми. Друзья говорили, что я загоняю сам себя.

Ну а действительно? Что плохого может произойти? Дюжина мужчин с алкоголем и, кто их знает, чем ещё, с одной малолеткой в запертой квартире ночью. Волнений нет. Ровно так же, как нет смысла читать для тебя эту книгу, странный человек, которому нечем заняться.

Я мог украсть у отца водку в подобные вечера и, когда все засыпали, пить её в своей комнате за диваном, запивая соком. Мать и не подозревала, почему я начал пить так много сока в последнее время. Запивать эту гадость ведь как-то нужно было в те годы. Сейчас она залетает в меня как лекарство от прошлых ран. И они не затягиваются.

Утром, когда я проснулся, Катя написала мне, что лежит с каким-то парнем в кровати, с расцарапанной спиной, и ничего не помнит.

Каждый раз, когда она писала мне подобные сообщения, эти слова выбивали меня из колеи.

Но это были первые случаи, когда алкоголь мне помогал забыть эти моменты. Все эти картинки, всплывающие у меня в голове, созданные моим разумом под влиянием тех историй, что она мне говорила о своих вечерах. Ужасно.

С последующими случаями я приучил себя к тому, что выпивка — это отличное лекарство.

Когда я не пью, мне очень просто совершенно случайно напомнить самому себе о нынешних или старых проблемах. И поэтому либо сон, либо алкоголь помогают мне остановить динамический поток моих мыслей. И если раньше они меня удивляли, то сейчас только загоняют меня в тупик.

Я не знаю, что происходит.

Я чувствую себя учителем, когда иду в компанию, на учёбу или просто на прогулку. Хотя я вряд ли чему-либо смогу кого-нибудь научить. Я простой человек, который однажды потерялся. Сейчас я делаю ровно то же самое. Я теряюсь из любимого Севастополя. Не то чтобы мне было это необходимо, но я не понимал, хочу ли я быть с Полиной. Я не хочу в скором времени ранить её и не хочу, чтобы мне самому было больно. Как ни странно, впоследствии любых отношений кому-то, но всегда будет больно.

Я сложил чемодан с одеждой на пару недель, поставил будильник к приезду такси и, покурив сигарету в кровати, думая о завтра, уснул.

Таксист довёз меня до аэропорта в Симферополе. В Севастополе на момент 2018 года его ещё не построили, но верю, всё впереди. Я ехал и наблюдал красивые пейзажи Крыма. Такая же невероятная природа, как и на Камчатке, но другая. От неё веяло светом и энергией воодушевления. От камчатской природы всегда веяло для меня холодом, тоской и меланхолией. Возможно, только мне так казалось.

Но вот я уже в аэропорту. Дорога заняла около полутора часов, и совсем скоро самолёт унесёт меня высоко в небо, похищая меня у людей, которые остались в этом городе. На Камчатке остались близкие мне люди, которых я просто обязан навестить. У меня долг перед ними, и я говорю сейчас не о родителях. Родители прилетают в Севастополь каждое лето, а моим друзьям такие полёты не светят. Нужно просто предстать перед ними и сказать, что со мной всё хорошо. Я справился. Изменился и потихоньку превращаюсь в того, кем я хотел стать. Уверенного в себе человека в достатке. Не хватает только любви, но я работаю над этим. Пускай Полину я тоже люблю, но мне кажется, не как даму сердца и девушку, о которой я думаю каждый день перед сном. Нет, не той любовью. Мне просто хорошо с ней. А полюбить так, как я когда-то любил Катю, — этого никогда не будет, я уверен.

Я прилетел в Москву, в аэропорт Шереметьево, в обед. По расписанию у меня должен был быть рейс на Камчатку через пару часов, однако рейс перенесли из-за погоды один раз, второй раз, и вот на часах уже восемь вечера, но никто из людей, которые ждали этот рейс, не понимал, улетят они или нет. Какие-то женщины даже начали закатывать скандал с представителем авиакомпании, чтобы они быстрее решали этот вопрос. Как будто этот парень лет двадцати в галстуке отвечает за одобрение полёта…

Чуть позже нам сообщили, что на Камчатке циклон и наш рейс перенесли на пару дней, и авиакомпания поселила нас в четырёхзвёздочный отель «Гринвуд», куда, как я позже узнал, часто заселяются японцы для решения всяких торговых вопросов в Москве. Японцы, в свою очередь, показались мне очень культурными. Улыбаться, когда удобно и когда нужно, конечно, и я умею, но всё же. Они казались добрыми.

Ещё в аэропорту я познакомился с парнем, который ехал к родителям на Новый год, как и я. Его звали Егор. Пока мы ожидали автобус до «Гринвуда» и, в целом, решения проблемы задержки рейса, мы очень проголодались. Я же всю дорогу ехал и успокаивал нас обоих, что

мы вот-вот приедем и нас накормят. Водитель автобуса, который нас туда вёз, говорил, что мы успеваем к ужину и на нас уже всё накрыто. Я был готов съесть всё, что мне предложат. По приезду же на столы были накрыты порционно тарелки с ужином. Он был неплох на вкус, окей, но его было неприлично мало.

— Пиздец. Как этим можно наесться?

— Согласен с тобой…

И тут в мою голову пришло осознание и решение проблемы.

— ПОСТОЙ! Так мы же в Москве? Здесь наверняка есть доставки! Пиццерии, кафе с едой на вынос. Сейчас просто закажем в интернете поблизости и пойдём забирать.

И тут с соседнего стола две девушки крикнули нам:

— А мы возьмём алкоголь! Так будет веселее!

Две хорошенькие девчонки нашего возраста, которые тоже были с нашего рейса. Я, в целом, и не против провести эти двое суток с ними. Думаю, будет весело. Да и с Полиной мы не встречаемся, так что всё хорошо, мне кажется.

— Договорились!

Мы с Егором зашли в свой номер за куртками и, встретив девушек на выходе, вместе отправились за алкоголем и едой. Девочки, как и обещали, купили ящик вина, а мы купили шесть больших пицц. Егор хотел, чтобы мы купили всего три-четыре пиццы, но я сказал, что будет нечестно по отношению к девочкам, так как они потратились на вино больше — в целом, примерно на шесть пицц. Я бы и сам оплатил эти вина, с их позволения, но так как они настояли купить его сами, то я был просто обязан хотя бы не обидеть их едой.

Мы завалились в номер и стали объедаться этой пиццей, как люди с голодного края, а после принялись за вино, слушая музыку. В этом номере для нас четверых незнакомцев был сегодня праздник, и меня это радовало. Засосы по всему моему телу меня несколько напрягали по той причине, что я привык, когда выпью, ходить с голым торсом. Никогда не понимал этого прикола с засосами, однако примерно в час ночи мне позвонила Полина, и я вышел на балкон с ней поговорить. Как чувствовала…

— Да… Здравствуй, Полин! Чего звонишь так поздно?

— Ты… ты уже дома? — я слышал по голосу, что она была слегка пьяна.

— Нет, нам рейс задержали на двое суток. Сейчас я в отеле, куда нас поселили. Тут здорово. Тебе бы понравилось.

— В отеле?

— Ну да. А куда ещё мне податься? Мы сбились в небольшую компанию и купили пиццу и вино, так что всё неплохо. Так чего звонишь так поздно? Я думал, ты…

— Давай встречаться.

— Что? Так мы же говорили, что начнём после моего возвращения?

— Ты согласен или нет?

— Боишься, что я изменю?

— Да.

— Я тебя понял. Да, я согласен.

— Чудесно. Спокойной ночи. Не шали.

— Спокойной, Полин.

Я вернулся с балкона в номер и, сказав компании, с которой мы только что занимались чем-то непонятным, что я теперь в отношениях, услышал в ответ тишину. Одна из девушек взяла бутылку вина из ящика и вернулась в свой номер. Думаю, она тоже хотела со мной от чего-то сбежать, как и я с ней, но я лишил нас этой возможности. Поверить не могу, что я теперь в отношениях с Полиной. Это одновременно и радовало, и пугало. Если бы месяц назад мне сказали, что она будет встречаться со мной, то я бы не поверил. Всё-таки она птица явно не моего полёта. Ей был нужен кто-то стабильный и в достатке, а себя я таким явно бы не

назвал. Нам просто нравится проводить друг с другом время, а остальное — нечто, что зовут «отношениями», — гораздо сложнее. Всё, что я сейчас могу сделать для этих отношений, — это ежедневно звонить по вечерам, чтобы она не волновалась, и не изменять. Дела на раз плюнуть. Разговаривать с ней мне и так нравится, а не изменять на Камчатке будет не сложно. Я восемнадцать лет не занимался там сексом, и ещё две недели вполне справлюсь.

На следующий день мы вчетвером сходили в торговый центр в кино. Поели в «Бургер Кинге» и вернулись в отель. Егор слегка был задротом, а потому подруги его не сильно интересовали. Я же был уже в отношениях, а потому допивали вино мы в своих номерах раздельно. Егор же совсем не пил. Весь следующий день я допивал остатки вина вместе со Светой, одной из девушек, и парнем, с которым она познакомилась, которому, на минуточку, на тот момент только исполнилось восемнадцать. Развратница, получается. Осуждаю. Но мне понравилось их знакомство. Весь полёт на Камчатку, который длился восемь часов, они держались за руки и вместе смотрели фильмы, периодически целуясь. Романтика. Я бы хотел так же, но Полина в Севастополе. Ждёт моего возвращения, чтобы мы поскорее укутались в одеяло, обнимая друг друга. Я тоже этого жду, а пока нужно выйти из самолёта, который уже приземлился, и увидеть свой родной край. Вот я и дома.

ГЛАВА 7. ДОМ, ГДЕ ТЕБЯ ЖДУТ

Я вышел на трап самолёта и вдохнул свежий воздух. Он был другой. Не такой, как в Севастополе. Гораздо свежее и чище. По телу пробежали мурашки от осознания. Я столько раз клялся, что больше никогда сюда не вернусь, — и вот я здесь, в паре часов езды от родного дома.

Родители встретили меня у аэропорта, и мы поехали домой. Я был рад снова увидеть их. Они ни капли не изменились, чего не могу сказать о себе. Природа всё такая же холодная. В машине было тепло, но от самого её вида мне становилось холодно. Удивительное место.

Пока мы ехали, я вешал лапшу на уши, что с Полиной мы познакомились на общей лекции СевГУ по информатике. Всё культурно. Рассказывал, что у меня всё хорошо и что учёба, на которой я практически не появлялся, мне нравится. О том, что у меня нет никаких проблем, — хотя буквально пару недель назад я получил по ебалу от своих когда-то друзей, пока Полина была дома и ждала меня. У меня нет проблем, хотя половина моих преподавателей уже хочет моего отчисления, и у меня нет проблем, хотя почти все эти полгода, не считая декабря, я возвращался домой только утром.

Я не говорил им об этих моментах, потому что не считал их проблемами. Всё это я смогу решить, только стоит мне захотеть. Всё это решаемо. Да и одиночества я почти не испытывал за эти полгода. Мне просто не хотелось, чтобы они думали, что облажались, отпустив меня в другой город. Они всё сделали правильно. Да и волноваться обо мне им не стоит. В целом, никому не нужно обо мне волноваться. Я справлюсь со всем, что бы на меня ни навалилось. Если кто-то обо мне волнуется — значит, я облажался, что дал повод этим волнениям.

Мы подъехали к дому, и, взяв пакеты с продуктами и чемодан, я пошёл в нашу квартиру. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, вспоминал, как мы пьяные с моими друзьями, с Саней и Димой, ещё год назад перелазили через эти перила, чтобы сократить путь к выходу. Ещё год назад всё было таким другим. Отец повернул ключ в квартиру, и мы зашли в дом. Ко мне сразу же подбежали мои коты, Гарфилд и Томас, которые были со мной с самого детства. Томас — с шести, а Гарфилд — с девяти лет. Я скучал по ним, и мне порой казалось, что я их предал, поскольку не забрал их с собой, но я боялся, что они просто не выдержат перелёт. Да и я зачастую не ночую дома, и они бы тосковали, мне кажется. Здесь они хотя бы с моими родителями. Думаю, я всё сделал правильно.

Пройдя коридор, я зашёл в свою комнату. Она ни капли не изменилась. Все вещи остались на тех же местах, за исключением моей тренировочной зоны, которая была заставлена всяким хламом, который моим родителям был не нужен, но выкидывать было обидно.

Именно в этой комнате я пил от своих первых переживаний водку, пряча её за диваном. Вечерами, когда родители уходили к друзьям, я мог пить медовуху, пряча бутылки за шторами или выкидывая их далеко в сугроб за окном, если на дворе было любое время года, кроме лета. Помню, сколько раз я задавался вопросом, как мне жить дальше, после некоторых проблем, которые мне не удавалось решить. Сейчас они мне кажутся такими ничтожными. Жизнь действительно словно игра, и чем дальше — тем сложнее. Если кто-то вам говорит, что это не так, — он нагло врёт.

Над кроватью висел телевизор, с которым я скрашивал своё одиночество. У меня не было любви, о которой я мечтал, но фильмы про любовь неплохо забивали мою голову, когда становилось тяжело.

С внутренней стороны на двери в комнату был нарисован чёрным баллончиком квадрат. Я не знаю, чем я руководствовался, когда рисовал его. Наверное, мне казалось, что весь мир за пределами моей комнаты — это чёрная дыра, которая лишь добавляет мне проблем. Возможно, в этом был какой-то смысл. Пускай и недолго, но я был затворником в течение полу-

года, пока меня не позвали играть в онлайн-игры старые знакомые из другой школы, которые впоследствии за полтора года стали моими близкими друзьями. Дима, насколько я понял, в этот Новый год не прилетит, но Саня всё ещё здесь, и он будет первым, к кому я пойду отмечать этот праздник. Новый год уже завтра.

С родителями мы сели за стол, поели и немного выпили и принялись беседовать. У них была тихая стабильная жизнь. Я рад, что у них всё хорошо, но, честно говоря, для себя такой жизни я бы не хотел. Мы живём один раз, и если при переезде в Севастополь мне хотелось найти девушку, жениться, завести детей по возможности и тихо работать на пенсию, то сейчас это было то, от чего я хотел сбежать. Да, мне хотелось стабильности, но когда я услышал, как звучит ночная жизнь, то насколько она может быть многогранна, интересна и импульсивна, — я понял, что не хочу, чтобы моя жизнь была спокойной. Я хочу, чтобы она сияла, блестела и звучала громко. Я хочу, чтобы она была интересной и живой. В тихой жизни я жизни не видел и не чувствовал. Возможно, это говорит мой юношеский максимализм, но тем не менее я неплохо парировал другим людям аргументами, почему весёлая жизнь не так уж и плоха. С Полиной я буду стабилен, я знаю, и мне хочется, чтобы у нас всё было хорошо. Мы отлично проводили время в «Изи», и такая жизнь не была ей чем-то мерзким или грязным. Она просто любила жизнь точно так же, как её любил я.

Посмотрим, насколько нас с ней хватит. Всё-таки ничего вечного в этом мире нет и не будет. Тем более любви. Слишком кинематографично, как по мне, да и больно. Я любил всего один раз, и я рад, что всё это закончилось спустя пару лет. Большую продолжительность я вряд ли бы выдержал. Да и дома, в котором меня бы ждали долго, я думаю, у меня тоже никогда не будет. Со временем, так или иначе, меня становится слишком много. Это и мой дар, и моё проклятие.

ГЛАВА 8. ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮБВИ

Я слишком часто начал описывать детали, которые никогда не любил в книгах других авторов. Ничего против них не имею — если нравится, пускай используют, но лично мне они не по нраву.

Я вышел из дома и направился к своему лучшему другу, который когда-то вытащил меня из затворнического досуга, в который я попал после одного случая. Закрылся ото всех.

Когда мне было шестнадцать лет, мы с моими близкими друзьями возвращались с футбольного поля. Я никогда не умел играть в футбол, я скорее больше по волейболу, но не суть… Мы с моими друзьями были знакомы около десяти лет и росли вместе в одной песочнице, скажем так. Вечно были друг за друга горой, бум-бум вэ, все дела. Смысл в том, что это всегда звучало лишь на словах, а на деле проверить это у меня никогда возможности не было. Плюс все друг друга сдавали в тех или иных ситуациях, так что компания моя была, скажем так, с гнильцой, но я никогда не пытался от них уйти. Я привык к этому. Тем более за мной таких действий и косяков никогда замечено не было. Всё, в чём я перед ними, возможно, был виноват, — так это то, что все мы были спортсменами, которые были против алкоголя и сигарет, когда нам было тринадцать лет, и именно в этот период я начал курить, скрывая это от них до того момента, пока спустя год они не начали сами. Пришлось даже покашлять для вида недельку, когда начал курить с ними, делая вид, что я тоже только начал. Сейчас мне было бы наплевать, я думаю.

Так вот, о ситуации. Мы идём с футбольного поля после прогулки, и за нами увязалась толпа с другого района. Они были нашими сверстниками и к тому же были сильно пьяны, но держались с нами на расстоянии пятидесяти метров. Вот только нас было пять человек, а их — пятнадцать.

Я, мои два друга, которые нормально умели навалять, если нужно, — мы вместе занимались небольшой промежуток времени боксом, и я знал, на что они способны. Я же был больше по борьбе. Моя одноклассница с довольно специфичным нравом, которая нравилась всем, абсолютно всем, кроме меня, и Эдик, который на тот момент тоже был затворником и вообще не из нашей компашки, впрочем, и всё.

На середине пути до дома компания сзади кричала, что вызывают нас на стрелку. Разумеется, мы не подавали виду. Как бы хорошо ни умели драться мои два давних друга и как бы я ни умел бороться, против пятнадцати человек наши навыки были бы бесполезны.

В какой-то момент моя одноклассница остановилась и пошла в их сторону со словами, что они её заебали.

Мы остановились и ждали какого-либо развития событий, смотря в их сторону. Спустя минуту мы всё так же стояли — и не кто-то из парней, кому моя одноклассница действительно нравилась, а именно я предложил, блять, пойти и забрать её.

Мы стали подходить к этой компании, с которой на повышенных тонах разговаривала одноклассница. Компания сразу же перенесла взгляд с неё на нас. И я, веря в свои дедуктивные способности, вышел разговаривать с ними вперёд. Я начал вести диалог с лысым пьяным парнем, который казался во главе этой шайки. Ничего хорошего от этого диалога я не ждал.

— Вечер добрый, мы тут пришли свою сестру забрать. У вас всё нормально? Может, проблемы какие-то?

— Да нет, никаких проблем… Мы просто пиздиться хотим!

После этих слов из-за спины того парня вылетел другой отморозок и втащил мне в челюсть, после чего мы рассредоточились — то же сделали и они. На каждого из нас побежало по два-три человека с этого сброда и начали с нами хуяриться. Мой отец всегда говорил мне

никогда не бить кулаком, так как я могу кого-то убить, и этот вечер был последним, когда я бил людей исключительно лещами.

На меня бежал один — я вломил ему леща; подбежал второй — я, на удивление, попал и во второго. После каждого удара их становилось больше по мою душу, а Эдика они вообще не тронули. Сказали, что он слишком взрослый для них, хотя по факту он был младше меня. Просто с лишним весом. На моих друзей-боксёров тоже накинулись по три-четыре человека. После моих игр в ладошки, когда количество людей по мою душу стало равняться семи, я понял, что я больше ничего не смогу сделать. Остаётся только бежать. В эту секунду справа от нас по трассе стал ехать автобус, и у меня в голове созрел гениальный план спасения.

Я перебегу через дорогу прямо перед автобусом, и тех, кто будет бежать за мной, автоматически собьёт автобусом нахуй — либо, в другом развитии событий, если они не полезут под автобус, у меня будет хотя бы несколько секунд придумать новый план, пока он проезжает. Жестоко? Да. Но никто, кроме зверья, не станет бить всемером одного без особой на то причины, лишь от скуки. В этот момент меня волновала моя жизнь. Если этих долбаёбов станет немного меньше на какое-то время, то это их дезориентирует. У нас был шанс. Трасса была в пятнадцати метрах от места драки, и я начал бежать. Я бежал так быстро, как не бежал никогда прежде. Я летел, и через секунду бы уже пробегал прямо перед автобусом, но он, сука блять, затормозил, и я не знаю как, но один из преследователей каким-то образом, пьяный, догнал меня, ударил по ноге, и я полетел на щебенистую дорогу справа от трассы, а справа от меня был обрыв. Через десять секунд меня уже пиздили лежачего семь человек, и встать шансов не было. Я сгруппировался и получал на протяжении какого-то количества времени, и сквозь ноги тех, кто меня пиздил, я увидел, как мои лучшие друзья, смотря, как из меня выбивают всё живое, уходят в сторону дома обычным шагом, бросая меня на произвол судьбы.

В тот момент во мне что-то умерло, мне кажется, потому что я считал тех, кто меня бросил, своей семьёй. После того, что я увидел, мне уже не было больно от новых прилетевших ударов. Я просто был телом, которое ждёт, когда всё закончится. Когда они всё-таки заебались меня бить, они начали обсуждать, что со мной делать дальше.

— ДАВАЙТЕ СКИНЕМ ЕГО С ЭТОГО ОБРЫВА! ЭТО БУДЕТ НАШИМ ОБЪЯВЛЕНИЕМ ВОЙНЫ ДЛЯ НИХ. ПУСКАЙ ЗНАЮТ, ЧТО ИМ НЕ РАДЫ У НАС НА РАЙОНЕ.

В тот момент я никогда не думал, что стану жертвой в каких-то войнах между районами среди малолеток. Что угодно мог представить, но, блять, не это. Я всегда был далёк от этого.

Большинство этой компании согласились, и меня уже поднимали с обеих сторон, чтобы на раз-два-три сбросить меня с обрыва. На самом деле это был просто очень крутой каменистый склон, но кто я такой, чтобы поправлять этого парня. Я без пяти минут труп. Смысл был один и тот же. При падении с него мне не выжить.

— РАЗ! ДВА! Т…

— СТОЙТЕ!

Из толпы среди наблюдающих я услышал крик какой-то девочки. Она вышла и подошла ко мне.

— ОПУСТИТЕ ЕГО НА ЗЕМЛЮ, Я ЕГО ЗНАЮ!

Меня опустили на землю, и я принял сидячее положение, вытирая кровь, стекающую в глаза. Похоже, по голове тоже хорошо прилетело. Мне просто хотелось увидеть, как выглядит именно моя спасительница. Я протёр глаза и увидел девочку, лицо которой мне было знакомо, но хоть убейте, я не мог вспомнить, откуда.

— Ты ведь Никита, верно?

— Да, насколько я помню.

— Я Вика! Помнишь, мы играли с тобой в карты на футбольном поле год назад? Я тебя еле узнала!

— А, Вика? Здравствуй! Помню, конечно!

— Как ты? Столько не виделись.

Я стал улыбаться окровавленными зубами и, сплёвывая кровь, ответил, тоже улыбаясь, с долей своего любимого сарказма.

— Слушай, лучше всех, как видишь, спасибо! Твои как дела?

— Он хороший парень. Поднимите его!

Они послушали Вику, и меня подняли, оттряхнули и дали выпить вина.

— Ты не серчай, дядя! Мы не знали, что вы знакомы! Нормально? Живой?

— Да, жить буду. Спасибо, наверное.

— Ну и хорошо, давай мы проводим тебя до дома?

— Нет, всё хорошо. Спасибо, я дойду.

Пускай я и был отпизженный, но домой я шёл, открыв второе дыхание. Я думал о той девочке, которая спасла мне жизнь. Её звали Вика, и мы с ней были знакомы от силы один час. Просто сидели и играли в карты на футбольном поле. Мои родители всегда говорили мне, что не стоит бежать за случайными знакомствами. Что мимолётные знакомые мне ничего не дадут. Что в спонтанности нет ничего хорошего. В этот вечер случайная игра в карты год назад, случайная девочка, с которой я провёл от силы час времени и чьё имя я даже не помнил, пока она мне его не назвала, спасла мою жизнь. Выходит, если бы год назад мы с ней случайно не познакомились, я бы уже лежал где-то мёртвый в бухте. Мою жизнь спасла девочка, которую я знал час, а близкие, с которыми я был знаком почти десять лет, бросили меня умирать. Возможно, из-за этого сейчас, спустя столько времени, меня пугает что-то постоянное, потому что оно ассоциируется у меня с тем, что рано или поздно меня предадут. Домой я вернулся и сразу пошёл в ванную, чтобы мать меня не заметила. Смыл всю кровь и обрадовался, что лицо моё было целое. Да, мне разбили голову и слегка встряхнулись зубы, но на вид я выглядел целым. Голову разбили в районе волос, длина которых у меня была около пятнадцати сантиметров, так что видно практически не было, а кровь с зубов пропала после того, как я прополоскал рот водой. В эту ночь я понял, что лучше быть одному, чем с такими друзьями. На следующий день в школе мои «друзья» подошли ко мне и как бы с шутки начали разговор, мол, ебать, нас нормально вчера отпиздили, да? Ахахаха. Мне весело не было. Я им улыбнулся и отстранился. Да, мы на следующий день поехали с толпой к этой компашке, чтобы вернуть должок, но я никого и пальцем не тронул. Мне не хотелось возмездия и так далее, потому что тот вечер открыл мне глаза на многие вещи. Тело зажило, но разум стал умнее и осторожнее.

Следующий месяц был для меня не слишком грустным. Пускай было непривычно после школы сразу идти домой и просто лежать, уткнувшись в ящик, не тратя время на прогулки и общение с друзьями, но через неделю после этого инцидента к нам в посёлок наконец-то протянули оптоволокно. Нормальный интернет. До этого дня, сколько себя помню, у нас была скорость интернета тридцать килобайт в секунду, что до невозможности мало. Никакого ютуба, игр и фильмов. Тёмные века. И за этот интернет, за безлимит с этой скоростью, мы платили две с половиной тысячи рублей в месяц. Однако после того, как протянули оптоволокно, скорость стала отличной, и я сразу скачал «Доту», что неплохо скрасило моё отсутствие общения. За счёт высокой задержки на регионы России из-за большого от Камчатки расстояния приемлемее всего было играть на японском регионе, так как он был к нам ближе, и если мне и попадались русскоязычные игроки, в основном приходилось коммуницировать с японцами, которые понимали лишь немного английский язык, который в тот момент я начал усиленно изучать для упрощения связи в игре. Так длилось два месяца. Школа — «Дота» — сон. Параллельно, играя в «Доту», каждую смерть моего героя в матче я делал подход жимом лёжа на грудь, чтобы моё тело полностью не атрофировалось от отсутствия движений, как раньше. В первые пару недель обучения этой игре я достаточно сильно забивал грудь.

Смысл этой истории вот в чём. Я просто ходил в школу и играл в комп. Никакой социальной жизни — лишь затворничество. И спустя два месяца, когда мы ехали на соревнования

по волейболу, в котором я всё ещё неплохо играл, мой старый знакомый с соседней школы, узнав откуда-то, что я тоже играю в «Доту», предложил мне поиграть вместе с его компанией, в которой как раз и был Саня. С Димой мы не общались около пяти лет, а с Саней — с самого садика. Лишь привет-пока. Пускай они и играли в тысячу раз лучше меня в эту игру, но когда они собирались со своей компанией гулять, меня брали с собой, пускай большинству я первое время и не нравился. Возможно, и сейчас не нравлюсь. Когда мимо нас проходила моя старая компания, они всегда могли как-то неудачно пошутить про меня, и Саня просто словесно их разъёбывал. Нет, он не был сильнее их, но то, как он умел парировать словами в диалоге, — это был настоящий дар, как мне казалось, хотя спустя время я понимаю, что он просто был намного больше начитан и более уверен в себе и в своей правоте, в отличие от других. Я им восхищался в те годы и до сих пор благодарен ему, что они с Димой спасли меня после того инцидента, хотя никто из них никогда не признает, что в этом есть хоть капля их заслуги.

Мы пили дешёвый портвейн «777» и «Портлейн 72». Много курили, дискутируя обо всём на свете, и я был очень рад, что нашёл в своей жизни таких друзей. Вот только когда нам всем исполнилось восемнадцать, а разница у нас между собой была в несколько дней, мы поразлетались в разные города. Саня был единственным, кто решил остаться дома на Камчатке. Он слишком любил это место и свою семью и потому не хотел уезжать. Но это лишь мои додумки. Реальную причину я не знаю.

И вот, пускай меня не было на Камчатке всего полгода, мне безумно хотелось увидеть своего старого друга и рассказать ему события, которые происходили со мной во время моего отсутствия.

Мы встретились возле «Бригантины», обнялись и пошли за алкоголем. После мы пошли к Сане домой и, слушая музыку, продолжали распивать алкоголь и дискутировать, как в старые добрые времена. Уже не помню, по какой причине, но посреди вечера мы поругались. То ли он что-то не то сказал, а я неадекватно отреагировал, то ли я, но мы уже было накинулись друг на друга чистить физиономии впервые в жизни, как нас стали разнимать. Саня выбежал из комнаты, хлопнув дверью, и пошёл курить на кухню, а я остался в комнате допивать свой стакан. Его девушка сказала мне, что ему было одиноко всё это время, когда мы уехали, и что мы должны были классно провести время, а не пытаться начистить друг другу лица. Я поставил стакан на стол и вышел за Саней на кухню.

Он стоял спиной ко мне и курил, смотря в окно. Я же начал добивать наш диалог.

— ТЫ, ПРАВДА, ДУМАЕШЬ, ЧТО ТЕБЕ ОДНОМУ БЫЛО ТЯЖЕЛО ВСЁ ЭТО ВРЕМЯ? У ТЕБЯ ТУТ ЕСТЬ СЕМЬЯ, ЛЮБИМАЯ ДЕВУШКА, И Я ТЕБЕ ПИСАЛ, ПИСАЛ, БЛЯТЬ, И ДИМЕ ТОЖЕ, ПОТОМУ ЧТО НЕ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ МЫ СТАЛИ ЕБАННЫМ КЛИШЕ! ДРУЗЬЯ ПОСЛЕ РАЗЪЕЗДОВ ПЕРЕСТАЮТ ОБЩАТЬСЯ — Я ТАК НЕ ХОТЕЛ! И ЭТО Я, БЛЯТЬ, ОСТАЛСЯ ОДИН В НОВОМ ГОРОДЕ! Я, БЛЯТЬ, А НЕ ТЫ! ТАК ЧТО НЕ ДУМАЙ, ЧТО ТЕБЕ ОДНОМУ БЫЛО ТРУДНО!

Говоря это, в середине своей реплики я уже плакал, потому что Саня тоже начал плакать, и, закончив, он развернулся, и мы обнялись. Я начал говорить, что всё будет заебись. Что мы добьёмся, каждый, чего он хочет, а иначе просто быть не может. Покурили ещё по одной сигарете и с заплаканными глазами вернулись к остальным продолжать праздник. С компьютера заиграла песня Pharaoh — «Слякоть» или «Беги от меня» — я, честно, уже не помню, и прозвучала фраза от нашего общего друга, который тоже плакал:

— А Фараон-то нормальным типом оказался…

И мы все засмеялись.

Окончание празднования уже прошло без приключений, драм и ссор. Утром я вернулся домой и завалился спать.

ГЛАВА 9. БЕРЕМЕННОСТЬ И ОШИБКИ

После празднования Нового года Саня заболел, а общаться с кем-либо ещё мне не хотелось. Таким образом, я принял лежачее положение у себя на диване и решил просто смотреть сериалы, пока жизнь меня как-то не удивит.

В обед я позвонил Полине спросить, как она отметила Новый год. Подарок она мне преподнесла неожиданный.

— Никит, я беременна.

— Что?

— Ты рад?

— Да, разумеется!

— Я так волнуюсь…

— Не переживай, всё будет хорошо! Квартира, где жить, у нас есть. Постоянные тридцать тысяч в месяц за питерскую тоже, и я ещё устроюсь на работу! Главное, не волнуйся, я люблю тебя!

— Ну хорошо, я тогда лягу поспать, и как проснусь — созвонимся.

— Да, хорошо. Сладких снов.

— Спасибо.

В голове на миг замелькала паника, но я быстро включил холодную голову и начал искать работу в Севастополе. В «Изи» работать мне было пока рано. Боялся, что моя наивность в таком месте меня погубит. За полчаса мониторинга и звонков по вакансиям на «Авито» мне назначили два собеседования в неплохие заведения, где было попроще работать, но была стабильная ставка, пускай и небольшая. И также меня пригласили на стажировку работать помощником повара, а там дальше, как мне сказали, посмотрят на мои возможности. Я понимал, что на 2019 год тридцать тысяч в месяц со своей квартирой, в целом, достаточно, чтобы жить совершенно небедно одному. Вот только с ребёнком и женой этого крайне мало, а потому работа была необходима. Сделав то, что мне было необходимо, я пошёл ставить в известность своих родителей. Мама сильно удивилась, хотя отец был совершенно не удивлён, так как догадывался, как я на самом деле живу один в Севастополе и чем я, скорее всего, занимаюсь. Я сказал им, что нашёл варианты работ и смогу совмещать с учёбой, так как у меня особый график. Они выслушали меня и приняли эту новость. После этого я пошёл в магазин, чтобы купить вино. Ничего другого я в одного не смогу пить, мне кажется. Да и со времён шестнадцати лет я никогда не пил водку в одиночестве. Вино было самое то.

Я сидел у телевизора и смотрел сериал. Много моментов сюжета я не улавливал, потому что моя голова была забита ребёнком. Я строил в своей голове планы. Идеи заработать всеми способами. Представлял, как буду забирать сына или дочку из садика. Мне было страшно в первые несколько минут после услышанного от Полины, но сейчас, пускай мне также страшно, я готов, и я сделаю всё для Полины и ребёнка. Сделаю всё для своей семьи. У нас будет всё! Мы поженимся. Я уже вижу, как выношу её, прекрасную-распрекрасную, из ЗАГСа, и не могу поверить своим глазам, что она — моя жена. Всё будет прекрасно.

Ночью я не заметил, как вырубился под телек, и проснулся уже наутро. Увидел пропущенный вызов от Полины и стал перезванивать.

— Алло. Полин, прости, я не слышал звонка. Привет! Как ты себя чувствуешь?

— Да, всё хорошо, а ты думал о…

— Не переживай. Мне уже назначено два собеседования по возвращению домой, и даже есть вариант, где меня уже берут на стажировку! Я вчера решил все вопросы, так что проблем с содержанием тебя и ребёнка не будет! Ты переедешь ко мне, и мы поженимся, и…

— Никит, Никит, стой!

— Что?

— Я на самом деле не беременна. Я просто так сказала, чтобы проверить, как бы ты на это отреагировал, и всё. Выдыхай, всё в порядке.

— Я уже даже родителям сказал, Полина, блять, ну что за пиздец?

— А зачем ты им сказал?

— Потому что не думал, что ты врёшь.

— Никит, я бы не стала сейчас заводить ребёнка. Тем более с тобой. Я пока в тебе всё ещё не уверена полностью.

— Тогда зачем звонила мне тогда ночью, когда я был в отеле?

— Ну, я была пьяная, но я не жалею. Я тебя, конечно, ещё не полюбила, но думаю, всё будет хорошо.

— Я тебя услышал.

— Извини, я буду собираться. Сегодня встречаюсь с подругами.

— Да, конечно.

— Я скину тебе видос, который я вчера сняла, — тебе понравится. Чмоки.

— Целую.

Полина положила трубку, и первым делом я пошёл и рассказал родителям, что Полина пошутила и что не нужно мне задавать по этому поводу вопросов. После я вернулся в комнату и погрузился в свои мысли.

Пиздец, как так можно? Зачем так было поступать? Сука, ну я же уже всё распланировал. Когда она сказала, что она не беременная, а просто проверяла меня, во мне опять словно что-то откололось. Сколько, интересно, ещё будет от меня откалываться, пока я окончательно не сойду с ума? Это и есть взрослая жизнь? Вечная ложь, боль и ненависть? Я уже представлял, как забираю нашего ребёнка из садика. Ебанный пиздец. Просто мразь. Неудивительно, что на момент нашего знакомства у неё не было парня. Не каждый выдержит такое. Никаких собеседований больше не нужно, и стажировок тоже. Почему-то захотелось в один момент вернуться в «Изи», но без Полины, но я быстро пресёк эту мысль. Да, её идея проверить меня была уебанской до невозможности, и, возможно, она не думала, что я так отреагирую и мне будет потом плохо, но, наверное, она тоже ещё многого не понимает, как и я. Тупость, да и только. Во многих фильмах, которые я смотрел, была показана причинённая боль разным людям — их антагонистами или протагонистами, однако у них почти всегда были причины на это. Грустно, когда человеку причиняет боль его близкий человек, и не по какой-то весомой причине, а из-за своей необдуманной глупости. В очередной раз вроде как близкий уже мне человек отрывает от меня куски чего-то живого изнутри. Нужно просто не думать об этом. Мне стоит просто включить телевизор и снова под него отрубиться. Только и всего.

* * *

За окном 5 января 2019 года. Снег на Камчатке, разумеется, давно выпал. До сих пор он идёт, и кажется, он закончится только весной. Видео, которое мне прислала Полина, было липсингом под песню «Певец и актриса». Она сказала, что мы как певец и актриса из этой песни. Не знаю, почему она сравнила себя с актрисой. Насколько я знаю, она нигде не играла, да и в песне поётся про порноактрису. Порно мы с ней тоже пока не снимали. Если ей нравится иметь такое сравнение — то пускай. Её выбор.

Я также лежал весь день на диване и смотрел какой-то сериал. В середине дня для приличия созвонился с Полиной, но разговор получился холодным. Неудивительно, учитывая то, что на днях она выкинула…

Время 21:50, и я не ждал ни от кого звонка. Просто тихо и мирно ожидал двенадцатого января, чтобы улететь обратно в Севастополь.

Всё-таки после большого города в маленьких городах и вправду становится тяжело дышать. Становится тесно.

Номер был неизвестен, и когда я принял вызов, я услышал голос, который не слышал почти два года. Это была Катя — моя первая любовь.

— Алло, Никит? Это ты?

— Здравствуй, Катя. Удивлён твоему звонку.

— Да, я тоже удивлена, что ты вернулся. Саша тебя видела недавно в машине, когда ты проезжал Приморский. Я ей сказала, что это маловероятно, но я решила проверить. Рада, что ты здесь.

— И я, наверное.

— Никит, давай встретимся? Может, приедешь ко мне на район, и погуляем, как в старые добрые?

— Сяду на ближайший автобус. Буду у тебя в 22:50. На закусочной встретишь меня?

— Да, супер! Тогда до встречи.

— До встречи.

Ближайший и последний автобус до Приморского был через полчаса. Стоит ехать или нет? Я не помню старых добрых времён, о которых она говорит. Я помню о том, что мне было очень больно, и тогда это было впервые. Не уверен, что хочу играть с этим. С другой стороны, я стал умнее, чем был когда-то, стал выше, увереннее. Так я смогу доказать себе, что разлюбил её. А если нет, то смогу влюбить её в себя, и на этот раз точно. Не знаю. Не знаю, зачем я поехал. Наверное, я хотел просто проверить, что мне стало легче. Два года назад я думал, что это чувство никогда и никуда не уйдёт, но сейчас я думаю о ней гораздо реже. Может быть, любовь и вправду уходит? Может, и время действительно лечит? Пора собираться. Не поеду — не узнаю. Ещё и буду жалеть об упущенном шансе.

Автобус ехал около получаса. Всю дорогу я думал о том, зачем мне это. Зачем я это делаю? Зачем в данный момент еду в этом автобусе ночью к девушке, которая меня когда-то поломала, изменила, испортила? Я точно делаю то, что должен? Плевать. Я не боюсь. Я стал сильнее за это время. Я просто еду на прогулку со своей старой знакомой, которая когда-то мне нравилась… которую я когда-то любил… нет. Мне было шестнадцать лет. Я понятия не имел тогда о любви, и то, что было, скорее всего, ею и не являлось. Любовь не должна приносить боль и страдания. Я просто был болен ею. Сейчас я излечился и сам себе сейчас это докажу.

Подъезжая к закусочной, я увидел Катю из окна автобуса. Она даже не узнала меня, когда я вышел из автобуса. В последнюю нашу встречу я был застенчивым мальчиком в цветной зимней куртке, которая была мне велика. Мой рост был 175, и мне только лишь предстояло потерять в себе остатки живого. Хорошее было время. Она была права. Сейчас мой рост 191. Я одет в кожаную куртку, тёплый чёрный шарф грел мне шею, чёрные джинсы и зимние чёрные сапоги. Во мне играет уверенность в себе с нотками нарциссизма. Всякая неуверенность, которая была когда-то давно, улетучилась с годами. Я больше не тот подросток, которого она знала. Уверен, она тоже.

— Здравствуй, Катя.

— Никита? Я думаю, что там за мужик в кожанке в окне? ТЫ ВЫРОС!

— А ты почти не изменилась, Кать. Годы, видимо, сказываются только на мне.

— Ой, ну хватит. Я тоже постарела.

— Рано тебе ещё стареть. Можешь предоставить это мне.

— Нет. Если ты помнишь, то мы договорились в сорок лет бросить в ванную с водой фен, чтобы не быть старичками!

— Не помню такого. Да и в старости я не вижу ничего плохого.

— Ну, значит, буду одна!

— Какая потеря для человечества…

— А ну! Хватит, говорю, ахахах.

— Ладно, как скажешь. Куда пойдём?

— Ну, я предлагаю сейчас дойти до моей матери. Мне нужно ей кое-что отдать, а потом решим.

— Ну, тогда веди. Твоя мама также прекрасна?

— ЭЙ! А ну давай без этого. Куда ты дел Никиту?

— Это всё ещё я. Просто слегка юмор изменился.

Мы шли по холодному Приморскому, и Катя рассказывала мне кучу историй о своей жизни, работе и многом другом. Я немного рассказал ей о своей жизни. О том, что теперь пою в караоке и состою в отношениях.

Я видел, как она смотрела на меня. Этими же глазами я смотрел на неё, когда любил. Я же теперь смотрел на неё как просто на старую знакомую. Здорово так провести время с главной героиней моего прошлого. Интересный опыт.

Она стала говорить, что хочет поскорее переехать, но не знает куда, так как снимать жильё дорого. Нужно скопить денег на первое время. Я сказал ей, что если это единственная причина, по которой она не может переехать, то она может переехать в Севастополь ко мне.

— Погоди! Твоя девушка будет против! Это сто процентов!

— Всё хорошо, Кать. Я не изменяю своей девушке, и мы друг для друга просто давние друзья. Плюс я вас познакомлю, и вы сможете стать подругами.

— Блин, это было бы чудесно! Когда улетаешь обратно?

— Через неделю, двенадцатого числа.

— Так может, тогда полетим вместе?

— Да, буду рад.

— Урааа!!!!

Катя вцепилась в меня своими объятиями, и мы обнимались секунд десять. Она попросила меня рассказать про Севастополь. Как там всё устроено? Какие люди? Какие есть хорошие места?

Мы уже придумали с ней, что я устроюсь в «Изи» вокалистом, а она туда официанткой. Вместе будем ездить с ней на работу и с работы. Слишком романтично, чтобы это было правдой, но в эту ночь нам хотелось помечтать.

Катя занесла матери какие-то вещи, и мы пошли в обратную сторону. На улице сильно похолодало, и мы зашли в Сбербанк, который был закрыт, но помещение с банкоматами было открыто. В 2016 году мы также заходили в это отделение, чтобы погреться. Тогда дверь не открывалась, и мы подумали, что она закрыта, но потом я дёрнул посильнее, и дверь открылась. На секунду мы подумали, что сломали замок, но потом пришёл человек и сказал, что эта дверь просто часто заедает.

Я помню, как тогда Катя села на подоконник, и я пытался отогреть её руки. Мне не хотелось, чтобы она мёрзла. Я смотрел на её потрескавшиеся от холода губы и мечтал поцеловать их. Мечтал, безумно хотел этого, но просто не мог. Боялся отказа, боялся сделать что-то не так и потерять её. Для меня тогда это казалось страшнее смерти. Эти пару лет пролетели мигом, но за этот миг всё изменилось.

Катя также села на подоконник, как тогда, и мы вспомнили, как повторяем то, что мы делали пару лет назад.

— Никит, а ты не хочешь выпить?

— Где? Как школьники в подъездах домов?

— Нет, у меня есть квартира. Родители живут в одной, а я в другой.

— У меня даже нет денег на алкоголь. Только на такси до дома.

— Грустно… а может…?

— Погоди, у меня есть мысль. Мне задержали стипендию в колледже и сказали, что придёт в первых числах января. Давай доверимся судьбе. Если я сейчас вставлю карту в банкомат

и там будут деньги, то мы покупаем алкоголь, сигареты и идём к тебе. Если денег там нет, то я провожаю тебя до дома и еду домой на такси.

— Договорились, давай!

Я вставляю карту в банкомат и жму на кнопку показать баланс. Я и вправду не знал, есть там деньги или нет, но я фаталист. Если судьба захочет — я выпью сегодня с Катей. Если нет — то поеду домой. Видимо, сегодня судьба хотела, чтобы я выпил.

— Ну что я могу сказать… похоже, мы всё-таки пьём.

— Ураааа!!!!

Катя крикнула от радости и стала прыгать, хлопая в ладоши, как принцесса из Диснея. Когда ей весело, она и вправду милая.

Мы зашли в магазин, где продавали после десяти часов, и купили четыре с половиной литра шампани, так как ничего больше не было, и пару пачек сигарет.

До квартиры Кати мы дошли за минут десять. Она жила на четвёртом этаже, и первым делом, когда мы поднялись, после всей прогулки, мне захотелось закурить. Катя разрешила покурить на балконе. Вид открывался по-настоящему мрачный и красивый одновременно. Такие же эмоции я испытывал к Кате, когда любил её. Меня пугали многие её действия, но и в них я видел красоту. Докурив, я вернулся в гостиную.

Катя слегка разложила диван, чтобы было удобнее сидеть полулёжа. Принесла из кухни пару упаковок чипсов и стаканчики для алкоголя.

— Может, тебе помочь чем-нибудь?

— Нет, всё хорошо. Ты же у меня в гостях! Хотя да, подключи мой ноутбук к телевизору и выбери фильм!

— Да, хорошо.

Катя пошла в соседнюю комнату и принесла оттуда аромасвечи. Никогда не понимал их запах, кстати. Зачастую у меня просто болела от них голова. В папке с фильмами, на удивление, я не нашёл ничего для себя интересного. Пускай я и огромный поклонник кинематографа, однако фильмы, которые были в этой папке, были мне неизвестны. Какие-то боевики, судя по всему.

— Ну что, выбрал фильм?

— Если честно, нет. Видимо, жанр не мой.

— А какой твой?

— Мелодрамы, драмы.

— О, ну хоть в этом ты не поменялся. Также любишь ванильное кино. Это мило.

— Наверное.

— Давай посмотрим «Самый пьяный округ в мире» 2012 года? Там хороший актёрский состав. Мне многие советовали.

— Ну, давай попробуем.

Катя открыла упаковку чипсов, мы выпили по стаканчику шампани и устроились полулёжа на её диване. Она свернулась клубочком, как кошка, и легла мне на грудь. Я включил фильм.

— Это же ничего, Никит?

— Что именно?

— Ну, что я так легла.

— Нет, всё хорошо.

— Тогда ладно.

Она улыбнулась и принялась за чипсы.

Я, в свою очередь, чипсы не люблю. Ещё в детстве у нас в школе учился мой друг с параллели, и часто ел чипсы. В третьем классе ему вырезали аппендицит. Все сразу решили, что это из-за чипсов, хотя по факту он просто ел семечки со скорлупой. Даже когда я узнал

это, моя нелюбовь к чипсам никуда не ушла. Просто не люблю, и всё. Могу поесть немного, если нужно, но не люблю. Фильм был скучным, как по мне.

— А чего ты не ешь чипсы совсем?

— Я не люблю их. Могу есть, но вкус мне их не сильно нравится.

— Тогда я буду тебя ими кормить! Нельзя пить на голодный желудок.

— Мы пьём слабоалкоголку, да и чипсы сложно назвать едой.

— Буду кормить, если сам не ешь. Не спорь!

По итогу дальше Катя кормила меня по чипсине раз в тридцать секунд.

В течение получаса мы прикончили одну бутылку. За следующие полчаса почти прикончили вторую. Неплохо проводим время, как мне кажется.

— Тогда и я буду тебя кормить!

— Ну хорошо.

Мы пили и кормили друг друга чипсами, смотря фильм, который был мне совершенно не интересен.

Посреди фильма, на третьей бутылке, произошёл один момент.

Катя также кормила меня чипсами и «случайно» задержала палец у меня во рту, и я его слегка прикусил.

— Ммм. Ммм. Никит, отпусти. Ах, мне больно.

Она произносила это постанывая. И в этот момент я подумал.

Бляяя… А как она стонет во время секса?

В этот момент мир замер, и ко мне на плечи сели два ангела, света и тьмы, и начали дискуссию.

— Нет, не делай этого! У тебя же есть девушка! Ты же верен!

— И что? Она его наебала с ребёнком! Пошла она впизду!

— Но она же тебе нравится? Вы месяц были вместе!

— Просто секс, всего лишь. Никакой эмоциональной связи. Разве это не блуд, ангел? «Ваши» разве не должны это порицать?!

— Но теперь вы вместе! Всё должно получиться! Тебе не жаль потерянного времени?

— Потерянного времени? Он убивался по Кате почти три года! Разве тебе не хочется получить то, что тебе давно положено? ИЗЛЕЧИТЬСЯ ПОЛНОСТЬЮ! Да и твоя девушка, если ты помнишь, вчера говорила, что ещё тебя не полюбила, разве нет? Разве выбор не очевиден? Посмотри на неё. Она же прижата к тебе. Посмотри на её красивые ножки в этих коротких шортах. Ты чувствуешь её сердцебиение сейчас? Чувствуешь? Думаешь, если бы ты ей не нравился, она бы лежала рядом? Думаешь, ей этого бы не хотелось?

— Да, в этом я с ним согласен. Сделай это.

Мир возобновился, и я поцеловал её палец, который прежде был укушен.

— Никит… не нужно, я же…

— Всё хорошо.

Я продолжил покрывать её руку поцелуями, всё ближе подходя к её шее и губам. Я начал целовать её шею. Уверен, я бы стал хорошим вампиром, потому что целовать шею девушки приносит мне настоящее удовольствие. Я стал слышать её тихий стон. Она начала слегка царапать мою шею.

— Никит, ну как же твоя девушка? Ах… Никит? Я ведь хотела стать подругами с ней.

— Ей не нужны друзья. Я твой друг.

Я чувствовал, как мои слова пропитаны искушением. Её стоны становились громче, ноги стали обхватывать мою спину, и её руки отцепили мою голову от её шеи.

— Никит, а как же Полина? Я не хочу так.

— Я хочу. А Полина нам не нужна. Мы не любим друг друга.

Мы с Катей смотрели друг другу в глаза, и она резко поцеловала меня. Она вспомнила, как я любил её в этот момент, а я вспомнил, как она разбивала все мои попытки быть с ней. Передаривала мои подарки друзьям, ни во что не ставила. Она вспомнила, как я любил её, а я… я вспомнил, как ненавидел себя за то, что не могу быть с ней. То, что двигало нами дальше, отличалось друг от друга мотивами. Наши движения напоминали схватку животных. Я срывал с неё одежду, а она царапала до крови мою шею. Я стянул с неё шорты и засунул два пальца ей в пизду, после чего она с огромной силой глубоко впилась ногтями мне в спину. Она повалила меня на диван и сняла с себя остатки рваной одежды, лифчик, и я увидел её прекрасную грудь. Она стянула с меня джинсы и попросила меня войти. Я перевернул её на спину и вставил ей. Это был не секс. Это было что-то демоническое, агрессивное, но в то же время насквозь пропитанное искушением, блудом, похотью.

Я перевернул её на живот и вошёл сзади. Её стоны переросли в крики, и всё, что она кричала, было «Ещё! Ещё, пожалуйста!». Я всаживал в неё всю длину своего члена, упираясь в её матку. Ей было и больно, и приятно одновременно, но когда я хотел сбавить темп или входить менее глубоко, она просила делать так же, как я делал прежде. Она повернулась и оседлала меня, положив мою руку ей на шею.

— А теперь души…

— Катя, я…

— Души, пожалуйста, я хочу этого!

— Твоя воля.

Я стал душить её, а она меня, периодически давая ход кислороду, чтобы не убить друг друга.

Спустя три минуты наших игр с асфиксией я повалил её и стал иметь её раком, схватив её за волосы.

Её крики около часа не давали уснуть соседям, но мне было совершенно плевать. Я был увлечён этим процессом. Я возвращал долги, а она получала секс от человека, которого любит в эту ночь.

После секса мы покурили в кровати и легли спать. Утром мы проснулись, и Катя стала собираться на работу, а я — домой. Я поцеловал её и направился в сторону выхода.

— Никит, позвонишь, как будешь посвободнее?

— Да, разумеется.

Я вышел за дверь и выдвинулся в сторону остановки. Когда надевал наушники, приложение автоматически включило рандомную песню. Это был Хаски — «Иуда».

Я шёл до остановки и понимал, что сама судьба мне говорит, что теперь я Иуда, предатель для своей девушки, но я не чувствовал, что поступил неправильно. Я стал чувствовать себя гораздо лучше. Лучше, чем когда-либо в своей жизни. Моя уверенность вышла за рамки, и мне это нравилось. Закрыл гештальт, который столько лет не мог. Я понял намёк судьбы и, открыв чат с Полиной, написал, что нам нужно расстаться. Причину озвучивать не стал и попросил не пытаться её выяснить. Это решение было лучшим. Ангелы были правы. Нашим отношениям пришёл конец, но горечи я не чувствовал. Только радость.

ГЛАВА 10. ПОСЛЕДСТВИЯ ТВОИХ ДЕЙСТВИЙ

Я приехал домой через полчаса, и, зайдя домой, моя мать спросила, улыбаясь:
— Нормально ли твоя девушка относится к твоим ночным прогулкам?
— У меня больше нет девушки.
— Ну, значит, не сошлись характерами.
— Не сошлись.
Я позавтракал и пошёл отдыхать в свою комнату. Через пару часов мне написала Полина.
— Ответь мне честно, ты мне изменил?
— Зачем тебе это?
— Просто ответь.
— Да.
— Я же тебя любила! Как ты мог так со мной!?

Следующие двое суток Полина закидывала меня голосовыми со своими рыданиями, полными ненависти ко мне. На вопрос, зачем за сутки до этого она написала, что не любит меня, она отвечала, что не хотела, чтобы я задирал нос. Странная логика. Вечером она отправила мне в соцсети фото в слезах и в моих наушниках под песню «Певец и актриса», которую она выложила с подписью: «Всё получилось точно, как в песне, но песня оказалась короткой».

Я понимал, что эмоции, которые она испытывает, ненаигранные и ей плохо, но я также понимал, что всё сделал правильно. Мне не нужна девушка, которая пишет, что не любит меня, наебывает беременностью и в целом относится ко мне как к личному предмету. Почему-то я чувствовал себя её личной куклой. Возможно, поэтому ей так больно. Потому что до этого её куклы её не бросали. Всегда бросала она. Я всегда верил в эффект бумеранга. Похоже, её бумерангом стал я. Только и всего. Да и она меня не любила, я это понимал. Просто из-за того, что я сделал неожиданный для неё шаг, который её шокировал, она восприняла эмоцию грусти и потери за любовь. Я не был её любовью, а она — моей. В этом и был весь смысл.

@10 января.

Полина написала, что больше ко мне ничего не чувствует и что хочет вернуть мне мой подарок на Новый год, то есть наушники. Уточнила дату, когда я прилетаю.

@11 января.

Катя позвонила мне, сказав, что уже на сайте и собирается бронировать билеты до Москвы и Севастополя. Хотела уточнить рейс: где мы встретимся — уже в аэропорту или я заеду за ней по пути?

Я положил трубку и написал ей, что меня забрали на срочку. Что, конечно же, было ложью.

Я попытаюсь объяснить, что меня заставило так поступить с ней. Она была моим любимым человеком, в которой я не чаял души. Дарил ей подарки, приезжал каждый день после школы к ней на район, чтобы, подождав её в больнице четыре часа, пока она закончит работу, просто провести её до дома. Я делал всё для неё, что было в моих силах, а в свою сторону не получал ничего, кроме боли. Невыносимой боли. Она развлекалась с парнями на вписке, а я плакал и бухал водку ночью в спальне в одного, слушая её любимую музыку, пытаясь понять, за что она так? Почему я не тот, кто ей нужен?

И что по итогу? Мы занялись сексом пятого числа, но получили удовольствие оба. Разве я сравнял счёты? Да, всё так. Я просто решил сравнять счёт. Я надел ей на глаза розовые очки и рассказывал про волшебный Севастополь. Я подарил ей надежду и забрал её. Да, я отомстил. По-другому я это не назову. Ничем другим это и не является.

@12 января. Суббота.

Я прощаюсь с родителями и еду в аэропорт, сотню раз думая, не позвонить ли мне Кате? Но нет. Это всё был мираж. Мои глупые наивные мысли, что у нас с ней в этот раз всё может быть хорошо. Нет, не будет. Я больше её не люблю. Более того, я никого не люблю, и мне стало дышаться гораздо легче.

Между Камчаткой и Севастополем была разница в одиннадцать часов, и потому, вылетев в девять утра по камчатскому времени, я прилетел, с пересадкой и ожиданием рейса, в Севастополь в девять вечера. Вызвал такси, и водитель довёз меня до дома за час. Я ехал с открытым окном, но мне не было холодно, пускай на дворе и январь. Я дышал и понимал, что я дома. Я наконец-то вернулся. Да, меня не было всего две недели, но события, которые произошли за это время, кардинально меняли моё восприятие. Я дома, но на этот раз с вылеченной душой. Это и было главным отличием. Когда таксист привёз меня к дому, я спросил, сможет ли он подождать меня пятнадцать минут и после отвезти в другое место, разумеется, за мою доплату. Он согласился.

Я зашёл домой, кинул чемодан в зале, снял всю одежду и побежал в душ. Привёл себя в порядок, небрежно расчесался, залив голову лаком для фиксации, чтобы выглядело хорошо, и вернулся в зал.

Я открыл шкаф и достал тот самый костюм, в котором я ездил в «Изи». Надел его и, переложив документы и пачку сигарет в карманы пиджака, вышел обратно к таксисту.

— Куда, по итогу, едем?

— Отвезите меня в «Изи», благодарю.

Всё-таки ночью город мне всегда нравился больше, чем днём. Он очаровывал своим шармом, и мне хотелось утонуть в его глубины и посмотреть, чем он дышит внутри. Невероятно красиво.

Таксист периодически смотрел в мою сторону, а я смотрел в окно и улыбался умиротворённой улыбкой.

— Почему вы улыбаетесь?

— Я еду домой.

— А разве вы только что не были дома?

— Там просто лежат мои вещи.

— То есть «Изи» — ваш дом? Ахаха.

— Дом там, где твои близкие. А в этом городе у меня нет никого ближе, чем они.

— Спорное место ты выбрал домом, парень.

— Поживём — увидим. Поживём — увидим.

Я заплатил таксисту сверху семьсот рублей и вышел из машины, пожелав спокойной работы.

Как только я стал подходить к «Изи», из дверей вылетел Ваня, ведущий.

— Никита, где ты был?!

— Я…

— Ладно, неважно! Давай скорее на сцену! У тебя минута! Рад, что ты вернулся!

— И я рад, Ваня, и я рад.

Я быстро подбежал к гардеробщице и, поприветствовав её, отдал свою куртку. Через секунду после я услышал, как начинает играть «Ламбада», и через пятнадцать секунд мне нужно начинать петь. Я бегу через весь зал и танцпол, обнимаю диджея Диму, вокалисток Леру с Леной, беру у Вани микрофон и начинаю петь. А люди… люди скучали. Это было очень трогательно. Они танцевали и подпевали, и именно в этот момент я вспомнил, что я действительно дома. Не просто на словах, а душой. Моя душа была именно в этом месте. Я спел эту песню, и все начали аплодировать… Разве что-то может быть лучше?

Я сразу вышел на перекур, дабы слегка успокоить свой дофамин. Дима вышел со мной, и я рассказал ему, как и где я провёл эти полтора месяца. Дима обнял меня, сказав, что рад

моему возвращению, и побежал обратно в «Изи» за пульт. Я остался докуривать свою сигарету, и мой телефон начал звонить. Это была Полина.

— Ты где?

— Я в «Изи».

— Я сейчас приеду отдать наушники.

— …

Она бросила трубку, я положил телефон обратно в карман и пошёл на бар к Гагику, который сразу решил меня напоить по случаю моего возвращения. Его коктейли, как всегда, прекрасны и прекрасно бьют в голову.

Полина приехала через двадцать минут, и, зайдя, наши глаза встретились среди танцующих на танцполе людей. Только мы не танцевали. Полина сняла с себя наушники и повесила на мою шею. Она стояла и смотрела на меня своими пьяными глазами, а я — на неё. И она произнесла:

— Поехали?

— Поехали.

Я взял её за руку, и мы, забрав куртки, сели в первую попавшуюся нам машину такси. Мы поехали домой.

Всю дорогу мы целовались, как и в любой другой день до моего отлёта на Камчатку. Только мысли уже были совершенно другими — что у неё, что у меня.

Я заплатил таксисту пятьсот рублей, и мы пошли домой. Сразу направились в спальню. Куда же ещё…

Я стал снимать свой пиджак и рубашку, а она — свою блузку и лифчик. Мы легли в постель, снимая друг с друга низ. Я — её юбку, а она — мои брюки. Мы целовались, и я понимал, что она не хочет думать о том, что произошло на Камчатке. Я не хотел её расстраивать, и потому тоже старался не думать. Она была сверху, и я вошёл в неё. Её прекрасная грудь всё так же прекрасна. Её губы имеют тот же прекрасный вкус, как и в первую нашу встречу. Вот только внутри всё другое. В один момент она слезла с меня и, рыдая, побежала в зал и громко там плакала.

В этот момент я понял, что она не смогла и не сможет выкинуть это из головы, как бы она ни пыталась. Я слишком сильно её ранил. Я слышал её плач, доносящийся ко мне из зала, и я почувствовал себя тварью. Я понимал, что ей будет больно, но переспал с Катей. Я понимал, что нам лучше больше не заниматься сексом, но мы им занялись. Я понимал, что нам вообще лучше больше не видеться, но сказал ей, где я нахожусь. И всё, что я также понимал, я проигнорировал и снова причинил ей боль. Я слышал, как она плачет, и каждый звук пронизывал моё сердце, которое только излечилось, ненавистью. И эта ненависть была к самому себе. Я возненавидел себя за то, что она столько плакала.

Я встал с кровати и направился в зал. Она сидела и курила, скидывая пепел на пол, протирая его своей ножкой, словно так и надо, но я не чувствовал ни капли осуждения за это. Я сел к ней на диван и обнял её.

— Полин, ты обожжёшься…

— Я уже обожглась.

— Прости. Прости за то, что причинил тебе боль.

— Я на тебя не обижена. Я обижена на себя, что приехала с тобой сюда и занялась с тобой сексом.

— Ну, постель — это единственное место, где на нас наши проблемы не распространялись. Разве нет? — спросил я, слегка улыбаясь по-доброму, смотря в её заплаканные глаза.

— А ты изменился. Стал такой уверенный, взрослый. Скажи, это того стоило?

— Не такой ценой, Полин. Не ценой твоих слёз, по крайней мере.

— Я не смогу простить тебя, Никит.

— Я понимаю и поэтому не прошу об этом.

— Давай вернёмся в кровать?

— Ты уверена, что хочешь этого?

— Сейчас хочу. Что будет завтра — не знаю.

— Хорошо.

Мы с Полиной вернулись в спальню, занялись сексом и уснули в объятиях друг друга.

@13 января. Воскресенье.

Мы проснулись от попадания солнечного света в наши окна. Примерно в обед. Снова занялись сексом. Пошли на кухню перекусить. Снова вернулись в спальню, включили фильм, переспали ещё два раза. А после просто лежали и молчали.

Я не знал, что сказать ей. А она не знала, что сказать мне. Немые люди. Похоже, поэтому после расставаний многие пары сжигают мосты. Потому что сказать больше друг другу нечего.

— Помнишь, ты рассказывал мне про ресторанчик в Балаклаве. «Дон-Жон», кажется?

— Да, всё верно.

— Сходим сегодня туда поужинать?

— Да, с удовольствием.

— Завтра мне на учёбу. И тебе, кстати, тоже.

— Да, я помню.

— Хорошо.

Мы сходили в душ, и, пока вода стекала по нашим телам, я взял её сзади, целуя её шею и плечи. Кончить не вышло в этот раз ни у неё, ни у меня. В голове что-то мешало сделать нам это.

Вернувшись в спальню, мы собрали наши снятые ночью вещи и стали одеваться. Я в этот раз надел вместо косухи чёрное пальто. Почему-то настроение было не под косуху.

На улице было пасмурно, словно осенью. Воздух пропитан меланхолией, а я шёл с Полиной и рассказывал разные истории, связанные с Балаклавой. Мы пришли в «Дон-Жон» и заказали несколько позиций из меню. Официантки были моими старыми знакомыми, с которыми мы в своё время любили выпить и побеситься в спальне, без какого-либо сексуального контекста. Они смотрели на нас с Полиной с осторожностью, а не с радостью, с которой обычно смотрели на меня. Наверное, не хотели как-то смущать Полину и портить этот вечер.

Атмосфера между мной и Полиной была такая, словно мы уже были женаты несколько лет и сейчас мы в разводе. Почему-то я словил себя на этой мысли.

— Ты же понимаешь, что это наш последний вечер. Точка в наших с тобой отношениях.

— Да, я понимаю, Полин.

— Хорошо. Просто хотелось расстаться на приятной ноте, чтобы испытывать добрую грусть, вспоминая тебя, а не ненависть.

— Да, я с тобой согласен.

Мы доели, и Полина заказала такси до своего дома. Вот и всё. Конец главы. Я оплатил счёт и проводил Полину до машины. Она открыла переднюю дверь, повернулась и поцеловала меня в последний раз.

— Пока, Никит…

— Доброй ночи, Полин.

Я закрыл дверь машины и провожал её глазами, пока она не выехала из двора на трассу, а после, скурив одну сигарету, вернулся в «Дон-Жон».

— Ну что, дорогие мои, я снова холостой.

Мои подруги изменились в лице и с улыбками позвали на барную стойку.

— Ты ж наш дорогой. Ну наконец-то! Редбулл-водка, как обычно?

— Как обычно. Спасибо большое.

Мы выпили по паре коктейлей, посмеялись, а после я вернулся домой. Завтра рано вставать.

ГЛАВА 11. СКУКА, ПУСТОТА И СДЕЛКА

Следующие пару недель, если я и приходил на пары, то умирал от похмелья. Снова вернулся в «Изи». Этот фиолетовый интерьер меня пленял, голоса вокалисток сглаживали мои вечера без собеседниц, а мой молодой организм мог пить ежедневно.

Дома я выпивал бутылочку вина, а после ехал в «Изи», чтобы продолжить свою вечеринку. Я пел, и людям нравилось это. После я пил, и людям нравилось это. После я целовался с какой-то прекрасной незнакомкой, чьё имя я даже не спрашивал. Всем всё нравилось, но меня пугал тот момент, что я ничего не испытываю, какой бы прекрасной девушка ни была. Эрекция — да. Я увозил их домой, или мы просто обходились туалетом, потому что знали, что нам нужно друг от друга. Я пел, пил и трахался. Наверное, об этом мечтает каждый школьник. Я и сам когда-то об этом мечтал, мне кажется. Промелькала такая мысль точно. Смысл был в том, что душой я не испытывал ничего к этим девушкам. Я хотел, хотел полюбить, но всё мимо. Один из постоянников «Изи» даже заговорил со мной на эту тему.

— Никит, тебе всего лишь восемнадцать лет. О какой любви ты говоришь? Не все люди в принципе любили за всю свою жизнь. Каждый говорил, что любил, потому что каждому хочется почувствовать себя в своей маленькой романтичной комедии, но знаешь что? Всё это полная хрень. Каждого из нас любили, но мы не ценили или не замечали этих людей. Знаешь почему?

— Удиви.

— Да потому что нам не нужно, чтобы нас любил кто-то, кого мы сами не любим. Нам нужно, чтобы нас полюбила та, кого мы полюбили первыми.

— Я влюбил в себя не так давно ту, которую любил. А через неделю закинул её номер в чёрный список и улетел за восемь тысяч километров от неё.

— Ты ведь уже не любил её в тот момент, верно?

— Да, но смысл ведь тот же?

— Не совсем. Чего ты сейчас хочешь?

— Что-то почувствовать. Хотя бы влюблённость, симпатию, заинтересованность к той, в чей рот я засовываю язык.

— А тебе это нужно? Ебись — веселись. Продолжай веселиться, и, уверен, рано или поздно ты найдёшь ту, которая сломит твою оборону.

— Сильно сомневаюсь.

— Но ты ведь хочешь этого?

— Да, но я не хочу кого-то снова ранить. И так паршиво себя чувствую из-за последних событий.

— Ну, кому-то всегда будет паршиво. Закон жизни. И знаешь что? Лучше уж паршиво будет не тебе.

— Я так не хочу.

— Тогда продолжай развлекаться. Ограничивая себя однодневками — далеко не убежишь.

— О чём ты?

— Ты поймёшь.

Я решил не задумываться насчёт его слов и просто продолжал развлекаться. Спустя какое-то время я уже нашёптывал девушкам, что тоже ищу отношений, лишь бы переспать с ними. На утро им было паршиво. Моё чувство вины, в свою очередь, перестало работать. Я стал как манекен. Игрушка для ебли.

В одну ночь я сидел за барной стойкой один. Мне не хотелось ни с кем контактировать. Со мной заговорила одна девушка, которая просто хотела составить мне компанию, чтобы я

не пил один. Возможно, у неё даже не было сексуального подтекста в этом, но через двадцать минут я понял, что всё то, что говорит она и что говорю я, — я слышал много раз. Одни и те же фразы. Одни и те же шутки. Как будто по тезису. Я поймал себя на мысли, что мне стало скучно. Поэтому я ничего не испытываю ни к кому. Ничего, кроме апатии. Дима, который работал за пультом, говорил мне, что я просто не могу себя простить за то, как я поступил с Полиной. Говорил, что я часто, когда напиваюсь в стельку, вспоминаю, как она плакала. Возможно, он и прав.

Поймав себя на этой мысли, я снова накидался. Девушкам, которые подходили ко мне после песни, которую я пел, я сразу говорил, что я не лучшая компания для них, и продолжал пить в одного. В четыре утра я выпил четыре подарочных шота и пошёл курить. Мне не захотелось курить у караоке, и я решил пойти обойти стометровку.

Так странно. Отойдя от стометровки всего на пятнадцать-двадцать метров, я словил тишину. Я был всё ещё сильно пьян в этот момент, в эту ночь, но эта тишина меня обезоружила, и я заплакал. Мне нужно было выговориться.

— Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ ПРИЧИНЯТЬ БОЛЬ! МНЕ БОЛЬНО ОТ ТОГО, ЧТО Я ПЕРЕСТАЛ ЧУВСТВОВАТЬ ЧТО-ЛИБО! МОЖЕТ, ТОГДА, КОГДА Я ЛЮБИЛ ВПЕРВЫЕ, НА КАМЧАТКЕ, Я И СТРАДАЛ, НО Я ХОТЬ ЧТО-ТО ЧУВСТВОВАЛ, И НИКОМУ НЕ БЫЛО БОЛЬНО ПО МОЕЙ ВИНЕ! НИКТО ИЗ-ЗА МЕНЯ НЕ РЫДАЛ, А ЧТО СЕЙЧАС!? Я ТОЛЬКО ОТРАВЛЯЮ ЖИЗНЬ ОКРУЖАЮЩИХ МЕНЯ ЛЮДЕЙ! ЭТО ТАК БЛЯТЬ ПАРШИВО!

Я ПРОСТО ХОЧУ ПОЛЮБИТЬ. ПОЛЮБИТЬ ЕЩЁ ОДИН РАЗ, НО НЕ НА ОДНУ НОЧЬ, А КАК ТОГДА. КАК ТОГДА, КОГДА Я ВПЕРВЫЕ ВЛЮБИЛСЯ. ДА, МНЕ БЫЛО БОЛЬНО, НО Я ЧУВСТВОВАЛ! Я, СУКА, ХОТЬ ЧТО-ТО ЧУВСТВОВАЛ… А ЧТО СЕЙЧАС? У меня вообще осталась душа? Зачем она мне нужна, если я ничего не чувствую, а? ТОЧНО! ДАВАЙ ТАК? Я ПРОДАМ ТЕБЕ СВОЮ ДУШУ! ОНА НЕ НУЖНА МНЕ, ЗАБИРАЙ! ВСЁ, ЧТО Я ПРОШУ ЗА НЕЁ, — ДАЙ МНЕ ЕЩЁ РАЗ ПОЛЮБИТЬ!

Я вытер слёзы, выкурил ещё одну сигарету и, умывшись, вернулся в бар. Меня не должны там видеть в таком состоянии. Здесь праздник, и люди веселятся. Я не стану портить им веселье. Пускай это веселье продолжается.

Я вернулся на барную стойку, и возле моего места сидел снова тот постоянник, с которым мы дискутировали на тему любви пару недель назад.

— Вы снова тут?

— Как и ты. Решил свою проблему?

— Почти. Работаю над этим.

— Так, значит, тебе уже стало скучно, верно?

— Пока я могу здесь петь и пить — мне не станет скучно. Это всего лишь временные трудности.

— Ты уверен, что какой-то караоке-бар, каким бы хорошим он ни был, решит твои душевные проблемы?

— Я не уверен, но мне кажется, что душевных проблем у меня больше не будет.

— Планируешь вечно быть пьяным?

— Планирую полюбить.

— Грандиозный план. Могу лишь пожелать удачи.

— Я влюблюсь, и всё будет хорошо.

— А что, если девушка, которую ты полюбишь, не полюбит тебя?

— Я об этом не думаю. Да и я сомневаюсь, что влюблюсь в ту, которой на меня будет побоку. Уже проходили.

— Будет интересно понаблюдать за тобой.

— Тогда приятного просмотра. Я бываю здесь по выходным.

— Ты здесь разве не ежедневно? Гагик говорил, что он как ни придёт на смену — ты здесь.

— Здесь алкоголь вкусный. Обычно я тут по выходным. Ладно, мне пора.

— Давай, малый. Не пропадай.

— Размечтались.

Я чокнулся своим стаканом с людьми поблизости и, допив до дна, уехал домой. Мужик прав. Нужно немного сократить свои походы сюда, хотя бы до посещения по выходным. Если уже бармены это замечают, то это звоночек. Пора браться за голову. Завтра рано вставать.

ГЛАВА 12. НЕФОРМАЛКА

После последней пьянки в «Изи» прошло три дня. Я старался ездить на пары без пропусков, а также подружился с однокурсником, в котором видел потенциал. Он стал моим протеже. Я давал ему советы в общении с девушками. Говорил о том, как удивительна эта жизнь и что если ты чего-то очень сильно захочешь и приложишь к этому достаточно усилий, то это непременно произойдёт.

Ректор собрала весь колледж в актовом зале и стала читать какую-то лекцию по поводу того, что пропуски — это плохо и что всегда нужно помнить о своей успеваемости. О том, что в любой момент, когда мы опустим руки и захотим посвоевольничать, нас непременно ждёт отчисление. Ну да, конечно. Я слышал это уже три раза с начала учёбы. Вот только я умнее любого на курсе. За мои пропуски меня никто не выгонит. Следовательно, если продолжать быть умнее остальных, меня никто и никогда не отчислит. В этом был краткий посыл этой лекции, которая длилась в течение часа. После нас всех отпустили на обед.

Максу, так звали моего протеже, было шестнадцать лет. Напомню, что я поступил в колледж после одиннадцатого класса, а потому все однокурсники были младше меня на пару лет. Он же отличался своим здравым мышлением. Вполне рациональным отношением к жизни, алкоголю и веселью. Он слушал мои истории, и не всё ему хотелось повторить. Этим он и отличался от сверстников. Почти любой в его возрасте хотел практически поселиться в ночном клубе, выпивать с девушками и прожигать свою жизнь. Ему же было интересно про это слушать, но совершенно не интересно в этом участвовать.

Мы вышли из колледжа на обед, и я снова начал заниматься своими нравоучениями. Перед нами шли две девочки, у одной из которых были фиолетовые волосы. Мне такое нравится, а потому я решил показать на её примере, как просто знакомиться с красивыми девушками.

— Макс, тут ничего сложного! Вот смотри! Главное — просто быть уверенным и начать с комплимента!

И я крикнул ей вслед:

— Эй, у тебя классные волосы!

Она повернулась, и я увидел её глаза. Убийственные.

— Спасибо, — ответила она с улыбкой, лишь на секунду одарив меня ею, а после развернулась и пошла дальше.

Я замер и не понял, что произошло.

— Ник, так что дальше? Так и стоять, как ты сейчас? — съиронизировал Макс.

— Что? Нет. Погоди, где она?

— Кто? Та девочка?

— Да. Куда она пошла?

— Фиг её знает. Наверное, обедать.

— Ладно, я понял. Пошли.

Всё последующее время, пока мы шли, пока мы обедали, пока Макс что-то мне говорил, я действовал на автоматизме. У меня из головы не выходили её глаза. Было так больно вспоминать их, но и не вспоминать их было невозможно. У неё были прекрасные глубокие карие глаза, полные скорби и грусти. Я никогда не видел ничего подобного. Первое, о чём я подумал, когда увидел их, — как мне помочь ей? В её глазах я видел столько боли, что, помимо того, что мне хотелось помочь ей, мне казалось, что она единственный человек в этом мире, кто сможет понять меня. И её фиолетовые волосы. Волосы, покрашенные в такой цвет как будто бы для того, чтобы отвести внимание от её глаз. Сердце болит от одной только мысли о ней. Это что-то странное. Такого раньше не было. Возможно, и было что-то подобное тогда, когда

я встретил Катю, но это чувство было получено постепенно, не сразу. А после встречи с ней — как ударом гильотины. Я в миг потерял голову.

— Никит, ты здесь?

— Да, я тут. Пошли обратно?

— Пойдём. Ты сегодня как-то мало болтаешь. Ты влюбился, что ли?

— Не говори ерунды. А тебе она как?

— Да ничего. Показалась грустной, как по мне. Да и она старше, мне кажется.

— Грустной? Все хорошие такие. Разве не здорово, что она что-то чувствует? В мире люди всё меньше и меньше чувствуют.

— Ну, может быть. В любом случае, она не мой типаж.

— Нет у тебя никакого типажа. Тебе шестнадцать. Почему ты подумал, что она старше?

— Ты не видел, во что она была одета?

— Не обратил внимание.

— Пальто, кофта… Да смысл не в этом. Никто из первокурсников и второкурсников не носит на учёбу ничего, кроме формы. Ты исключение, разумеется.

— Ну, значит, она, возможно, моего года.

— Может быть. Как думаешь, успеем покурить?

— Да, думаю, да.

Мы пришли на пару истории, и всё, о чём я думал, — о ней. Мне хотелось поскорее ещё раз увидеть её. Познакомиться. Узнать её. Узнать её любимую музыку, фильмы, интересы и всё, что вообще её касается. Я чувствую, что я теряю себя.

Посреди пары нас выпускали на пятиминутный перекур. Я пошёл на курилку и увидел там её с друзьями. Подошёл к ним, но не смог подойти ближе к ней, чтобы спросить её имя. Я застыл как статуя, остановившись от неё в десяти метрах, и не смог сдвинуться с места. Всё, что я мог, — это слышать их разговоры. Через пару минут они докурили сигареты и стали удаляться от меня к выходу из колледжа. Из их разговора я услышал, что они собираются в торговый центр «Муссон».

Осмыслив это у себя в голове, я стрелой метнулся обратно в кабинет, где у меня шла пара истории, и, сказав своему преподавателю, что у меня «семейные обстоятельства», отпросился с оставшейся половины пары. Забрал вещи и выбежал из аудитории. За счёт того, что я был старше своих однокурсников, отношение ко мне было тоже другое. Более взрослое. Если я сказал, что у меня дома важные дела, — значит, так оно и есть.

Я бежал так быстро, как никогда не бежал прежде. Просто нёсся в сторону «Муссона». Я бежал, и перед глазами был лишь её взгляд. Я не понимал, почему я так залип, но ничего не мог с этим поделать. Сердце билось как бешеное. Мне не нужно было ничего в тот момент. Лишь увидеть её.

Добежав до «Муссона», я увидел их компанию на курилке слева от входа. Похоже, они по курилкам перемещаются. Я стал к ним подходить и снова замер в пятнадцати метрах от них. Так же достал сигарету и закурил.

Я смотрел на неё, но она меня не замечала. Никто из них. Она стояла в чёрном пальто, серой водолазке, в чёрных брюках и ботинках на платформе. Подстрижена она была под каре.

Мне хотелось услышать, что они пойдут в атриум, где обычно сидят и играют в настольные игры, знакомятся или обсуждают книги. Расписывал у себя в голове все варианты, как мне с ней познакомиться, но они стали говорить о походе в банк. Я понимал, что если они меня заметили у «Муссона», она сегодня видела меня в колледже, а тут я ещё окажусь в том же банке, что и она, — это создаст плохое первое впечатление. Поэтому они ушли в банк, а я уехал домой.

Весь оставшийся день я просматривал страницы всех участников группы ВКонтакте морского колледжа, надеясь найти её страницу, чтобы что-то узнать о ней. Я просмотрел три

тысячи страниц и, разумеется, у меня, по закону подлости, ничего не вышло. Я не смог найти её.

На следующий день она не пришла в колледж, и меня это расстроило. Я даже ушёл после первой пары и поехал домой, потому что понимал, что больше сегодня мне там делать нечего. Я сидел дома, и в голову пришла мысль о том, что она со своим цветом волос похожа на какую-то неформалку. И текст сам лёг в тетрадь. Я влюбился в неформалку.

За минут десять я написал какую-то глупую песню. О том, как я бежал за ней до «Муссона». Как влюбился в неё и как я рад этому.

В эти же сутки я купил аранжировку, спел эту песню, и мне понравилось. Позвонил Антону со студии «Камрек», у которого я раньше периодически записывал музыку, и попросил записать меня.

Песня, которая получилась, играла на репите у меня несколько суток. Я не могу поверить, что у меня получилось что-то настолько хорошее. Да ещё и про девушку, которую я видел три раза в жизни, которой я всего лишь сделал комплимент насчёт её волос. Так странно.

На следующий день, когда я вернулся в колледж, она тоже была там. Я, как обычно, не смог к ней подойти и узнать её имя, но просто курил с кем-то из однокурсников и смотрел на неё со стороны. Мне просто нравилось смотреть на неё. Мне хотелось подойти и познакомиться, но что-то пугало меня. Я не мог понять, что именно.

Когда она ушла с курилки обратно на пары, я проследил за ней и увидел, в какой кабинет она зашла. После я вернулся на свою пару. После следующего перерыва я сделал то же самое, когда она возвращалась, и увидел другой кабинет, в который она вошла. У меня было уже два номера кабинета, и я пошёл к расписанию, сверил номера и пары и узнал, на каком курсе она училась, и её группу. Как Макс правильно заметил, она была старше него. Она училась на третьем курсе, в группе программистов. Мне показалось, что если я узнаю её имя, мне будет проще.

На следующий день, когда на паре попросили добровольца, чтобы взять журнал нашей группы из учительской, или как она там у них называется, не знаю, я вызвался не просто так. У меня был план: взять вместо своего журнала журнал группы программистов, чтобы по именам узнать её имя, а потом включить дурочка — мол, по ошибке взял не тот журнал. Дурака я всегда умел включать вовремя. Иногда даже не приходилось включать.

Я зашёл в учительскую и, схватив журнал её группы, выбежал на запасную лестницу, где обычно никого никогда не было. Я открыл этот журнал и, сфотографировав список имён, отнёс его обратно.

— Ой, простите, пожалуйста, не тот журнал взял. Сегодня с самого утра всё идёт непонятно как…

— Да всё хорошо, Никит. У нас всё почти так же, — ответила мне одна из преподавателей, проводя там свой досуг с кофе и новостями по телевизору.

Всю следующую пару я искал по именам всех студентов поочерёдно, чтобы найти её профиль в соцсети. Самое забавное, что я нашёл профили всех девочек этой группы, кроме одной. Именно её профиля там и не было. Так я узнал, что её зовут Тина. Я не нашёл ничего о ней в интернете. Не нашёл её профиль, но через все мои усилия я узнал её имя, и это меня очень радовало. Фейковых аккаунтов в СМК было гораздо меньше, поэтому круг её поиска снова сузился.

Собрав всю свою волю в кулак, увидев её с друзьями на курилке, я пошёл к ней, пройдя мимо всех, кто стоял у меня на пути. Я встал перед ней, и…

— Привет! Ты Тина, верно?

— Да, привет! — стояла она и улыбалась мне.

И больше я ничего не смог ей сказать. Она так же мне ничего не сказала. Я совсем не так представлял наше знакомство, но всё пошло не так. Тина уже слушала разговор друзей, а я так же стоял замертво. Ко мне подошла её стервозная, на первый взгляд, подружка и сказала:

— Слушай, тебя там вроде твои друзья ждут, да? Иди к ним.

— Ты не знаешь моих друзей, — ответил я её подруге, сделав безумный взгляд, слегка наклонив голову.

Её подругу передёрнуло, и они ушли. Почти сразу я тоже вернулся к своим однокурсникам, с кем я неплохо общался, которые наблюдали за мной в этот момент.

— Ну что, Никит? Всё получилось?

— Нет. Я идиот. Я сказал: «Привет, ты же Тина?» Она ответила: «Да, привет». И всё. Это был весь наш диалог.

— Ну да, такое себе знакомство. Зови меня мистер Позитив, но зато лёд тронулся, разве нет?

Я уже мог знать, на каком этаже у неё пары, и чаще видеть её. И всё, что я от этого получил, — мы просто стали говорить друг другу «привет», когда проходили мимо друг друга. Ничего, кроме «привет», я из себя выдавить не мог. Когда я видел её, вся моя уверенность, харизма, если её так можно назвать, куда-то пропадала. Я просто забывал все слова. Забывал всё.

Спустя неделю после нашего «знакомства» в колледже все праздновали четырнадцатое февраля. Это был тот самый день, когда я мог всё исправить. Я пошёл после второй пары вместо обеда в торговый центр и накупил шоколадок и конфет, а на дно подарочного пакета кинул фиолетовое пластиковое сердце, которое я сделал из шпажки для коктейля, которую забрал с «Изи».

Я был готов. Узнал номер кабинета и пошёл к ней. Я был в кожаной куртке, высокий, уверенный в себе. Я понимал, что мне под силу всё, что угодно, и что сегодня у меня тоже всё непременно получится. Я возьму её номер или её контакт в ВК. Я смогу.

Я стал подходить к её группе и при всех её однокурсниках поздравил её с четырнадцатым февраля.

— С праздником тебя, Тина.

— Ой, это мне? Спасибо большое, но не стоило…

— Иначе я не мог.

Прозвенел звонок на пару, и я стал прощаться.

— Ладно, мне пора на пару! Увидимся на перерыве!

Из толпы её однокурсников какой-то парень крикнул:

— А мне можно так же?

— Для начала родись такой же красавицей, как она, договорились?

Тина покраснела, я улыбнулся, и мы направились на свои пары.

Все эти сорок пять минут перед пятиминутным перерывом я был самым счастливым человеком на свете. У меня получилось. Всё получилось. Сейчас мы выйдем на перекур и непременно поговорим. Ей будет так забавно узнать, как я узнавал её группу и имя. Думаю, она будет смеяться с этого. Я прокручивал у себя в голове этот диалог сотню раз. Я понял, что я влюбился. Сильно и беспощадно. И был рад этому.

После звонка на перерыв моё тело унеслось ветром на курилку, на встречу с ней. Я стоял и смотрел на выход, ожидая увидеть, как она спускается в своих милых ботинках. Стоял и ждал. Ждал чего угодно от нашего разговора, но не того, что случилось дальше. Я увидел, как её стервозная подруга выходит из колледжа с подарочным пакетом, который сорок пять минут назад я подарил Тине. Она вышла и подошла ко мне, вручив мне пакет, со словами:

— Тина сказала, что у неё есть парень, и попросила, чтобы ты к ней больше не лез.

— Да, хорошо. Передай ей, что я всё понял.

Я взял пакет и, вытащив фиолетовое сердце, на глазах у её подруги отдал этот пакет на съедение незнакомым студентам на курилке, направляясь обратно в колледж за вещами.

На паре я снова сказал преподавателю, что мне срочно нужно уйти, забрал свои вещи и уехал. По дороге зашёл в алкомаркет за вином и пошёл домой упиваться в одного, не понимая, почему всё так получилось.

@16 февраля.

Я проснулся от головной боли. Водка, которую принесли вчера мои собутыльники, была явно лишней после вина. В сообщениях в ВК я увидел, что девочка, которую я пару дней назад принял за Тину, отправила мне какую-то ссылку с фейковой страницы. Эту девочку звали Ира. Её сестра учится вместе с Тиной, и я попросил Иру узнать у сестры ссылку на её страницу так, чтобы Тина про меня не узнала. У неё получилось. Тина Тян — так она была подписана. Фотография в маске — неудивительно, что я не понял, что это её страница, когда мониторил всех студентов в ВК.

Фотографий больше не было. Никакой информации. Не знаю, что мне делать с её страницей.

Песню, которую я написал, я так и не выпустил. Решил, что не хочу портить ей жизнь своей музыкой. У девушки, которую я люблю, есть парень. Что остаётся мне? Разумеется, прожигать свою жизнь. Именно этим я и решил заняться.

ГЛАВА 13. ПЕРВОЕ ЗАБВЕНИЕ

Я снова вернулся в «Изи». Выступления в этом месте были лучшим лекарством. Мне снова стало нравиться общаться с другими девушками. В мире столько прекрасных девушек, что я понимал: один отказ не должен как-то кардинально менять мою жизнь. У меня появилось много подруг. В этот день, кстати говоря, я познакомился с девочкой, с которой мы до сих пор дружим. Без всякого, кстати, сексуального подтекста. Я поначалу, конечно же, соврал, что мне двадцать, а ей было двадцать три, и её не сильно смущала разница в три года. Однако когда я признался, что мне восемнадцать, мы точно поняли, что просто будем друзьями. Она познакомила меня со своими подругами, и мы отлично проводили каждые выходные в «Изи». Я давал им советы по поводу парней, а они заполняли мою нехватку женского внимания. Плюс спать с другими девушками они мне, разумеется, не запрещали. Мы же просто друзья.

Также, пускай я и не выпустил песню «Неформалка», я часто пел её в «Изи», потому что она очень понравилась постояльцам. Спустя каких-то пару недель Тина перекрасила волосы в синий цвет, так что никакие улики в песне к ней уже не вели. Недолго думая, я решил, что песню, которая может понравиться людям, — нужно выпускать. А почему нет?

В последних числах февраля мы с моими подругами в очередной раз ходили в «Изи». Иногда голова от громкой музыки начинала болеть, и мы ходили слегка подвыпить в «Пиворотти». Заведение пив-бар, с довольно культурным вайбом, где была зона с пивом и отдельная зона с пуншами.

Совершали налёты на зону с пуншами. У нас была шуточная привычка, что мы ходили втроём в обнимку. Именно так мы и заходили в «Пиворотти». Мы выглядели как пилот самолёта и стюардессы. Я весь такой в костюмчике, да и они выглядели очень даже ничего.

Так прошёл весь мой февраль и начало марта.

Подруги помогали мне знакомиться с девушками, хотя и без них я справлялся неплохо. Я выпивал и знакомился, а после увозил кого-то домой. Утром я вставал на учёбу и ехал в колледж, стараясь не думать о неформалке, но было сложно не думать о ней, когда я периодически видел её на этаже.

В какой-то момент у меня даже завязались отношения с одной девочкой, которая случайно оказалась в «Изи».

Длинные ноги, красивая фигура, лицо как у фотомодели. Девочка была словно сделана искусственным интеллектом, но на момент написания этой книги ИИ ещё не было. Во всяком случае, не в широком пользовании, как сейчас. Она выглядела дорого. Когда мы проходили мимо стометровки, на неё смотрели все парни, а на меня все девушки, потому что рядом с ней я старался соответствовать. Костюм, пальто, нихуя себе принц. Смысл был в том, что я ебал это всё. Мне не нравилась эта роль. Я всю жизнь ограждал себя от дорогой жизни на показ, да и от дорогой жизни в принципе. Я никогда не гнался за дорогой одеждой, телефонами и в целом за дорогой жизнью. Я хотел быть счастливым, а чтобы быть счастливым, хватит и стадвухсот тысяч рублей в месяц. Если ты один, то хватит и меньше.

В одну из ночей, когда мы с ней несколько часов целовались на танцполе, что даже ведущий обратил на нас громкое внимание, моя девушка Аня познакомила меня со своим кентом, который впоследствии, из-за проблем, стал жить у меня.

Спустя неделю он обратился ко мне с просьбой.

— Ник, у меня есть подружаня. Красотка. Маленького роста, рыженькая, с хорошей фигурой, и мы хотели с ней попить вина.

— Но я сегодня тоже хотел попить вина.

— Ты каждый день пьёшь вино.

— Так и есть. Что в этом плохого?

— Ладно, не суть. Можно я позову её к тебе?

— Ты хочешь позвать её ко мне, чтобы трахнуть её в моём доме?

— Да.

— Без проблем, зови. Но я буду сидеть в зале, а в спальню вас не пущу. Не хочу увидеть странные разводы на своей кровати, тем более не своей природы. Можете пойти в третью комнату, пристройку к кухне. Диван там есть.

— Ты ЛУЧШИЙ!

— Знаю. С тебя вино.

— Какое?

— Красное, креплёное. Либо мускатель чёрный, либо что-то подобное.

— Договорились.

Денис пошёл в магазин за алкоголем, а я просто пытался написать что-то весёлое. Очередную песню. Печаль была в том, что для этого не было нужного ресурса. Весёлую песню ты можешь написать, если у тебя весёлая жизнь в период написания, а иначе в этой песне не будет души. Впрочем, ни веселья, ни души в этот период времени я у себя не ощущал. Я закрыл ноутбук и пошёл к холодильнику, дабы найти остатки бухла. Алкоголь — лучший лубрикант для творчества, как мне кажется.

Денис вернулся счастливый, с гремящим пакетом с бутылками. Боюсь представить, сколько сообщений от соседей получили мои родители за период моей жизни здесь, однако я в этот момент об этом не думал. Меня радовал тот факт, что у нас этого добра дома стало больше.

— Никит, она приедет!

— Кто?

— Моя подруга!

Денисовы глаза искрились от радости. Это было забавно наблюдать, так как он был постарше меня, а радовался обычному перепихону, словно школьник со спермотоксикозом. Хотя кто знает, возможно, её согласие далось ему трудно.

— Она приедет через час!

— У нас дома срач, ты бы хоть сказал ей приехать через пару часов, или завтра.

— Да мы вдвоём и за час успеем. Плюс я не хочу, чтобы она ехала ночью.

— Как скажешь.

Мы с Денисом быстро навели дома порядок, а после пошли на кухню курить.

— Так. Давай разберёмся с правилами.

— С правилами? В моём доме? Ты смешной.

— Да погоди ты. Я не об этом. Когда Алина приедет, постарайся к нам не заходить, хорошо?

— Не сильно и хотелось, если честно. У меня свой план на этот вечер.

— Да? И какой же?

— Стабильный.

— Ты снова напьёшься под грустную музыку?

— Я снова напьюсь под хорошую музыку, да.

— На выходных ты мне нравишься больше. Там ты весёлый. Да и Аня у тебя красотка. Не знаю, чего ты загоняешься.

— У меня есть свои причины на этот счёт. А по поводу выходных и моего веселья: чтобы веселье было искренним, мне нужно выпустить яд, чем я и занимаюсь, когда грущу. Вот ты нагрустился пару дней, и на выходных ты новый, беззаботный человек.

— Ладно, хорошо. Надеюсь, ты будешь в наушниках? Не хочу трахаться под найтивыход.

— Кстати, классная идея. А ты уверен, что твоя Алина тебе даст? Вы это обсуждали?

— А нафига ещё ей ехать сюда на ночь?

— Я лично катаюсь в «Изи» первоначально, чтобы нажраться и попеть. Пообщаться с девушками, узнать их ещё лучше. Я не еду туда целенаправленно ебаться.

— Это ты. Мы живём в другом мире. В мире, где люди хотят выпить и потрахаться.

— Как скажешь.

В дверь постучали, и Денис побежал открывать дверь Алине, а я ушёл в зал, чтобы она меня не увидела. Не хотел их отвлекать.

На столе меня уже ждали мои две бутылочки вина. Такие красивые и милые. С самого детства бутылки с бухлом выглядели красивее, чем игрушки. Что-то к ним тянуло. Наверное, это было на подсознании, учитывая тот факт, что нас вечно выгоняли из алкоотделов и из кухни, когда там отдыхали родители. То, от чего нас пытаются огородить, как правило, становится нам интересным. Я не любил рок-музыку, потому что мне её прививали, и полюбил рэп, потому что его слушать мне запрещали. Я переехал в Севастополь, и, будучи тут в одного, я полюбил рок. Забавно всё это.

Через минут десять, тупя над пустой страницей ворда на ноутбуке, я почувствовал, как чья-то рука с маникюром коснулась моего плеча.

Я снял наушники, повернулся и увидел красивую миниатюрную девочку с проникновенными карими глазами и рыжими волосами.

— Привет. Денис сказал, что ты тут один пьёшь.

— Привет, да. Всё верно. Меня всё устраивает. Денис сам сказал, что я тут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.